Последний вечер встречи

Автор:
Татьяна Бочарова

Последний вечер встречи

Татьяна Александровна Бочарова

Детектив сильных страстей

Вечер встречи одноклассников заканчивается трагически: признанный лидер класса, ныне успешный бизнесмен Влад Куличенко, убивает свою давнюю любовницу Машу. Вскоре подруга Маши Кристина оказывается в психушке: кто-то скомпрометировал ее в глазах любимого мужа, и тот выгнал жену из дома. Потом лучший друг Куличенко погибает в автоаварии…

Из компании друзей, когда-то терроризировавших всю школу, остается одна Вика, но и она получает сообщения с угрозами. Насмерть перепуганная, Вика спешно уезжает из Москвы, но понимает, что скрыться от своего прошлого все равно не получится…

Татьяна Александровна Бочарова

Последний вечер встречи

© Бочарова Т., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

© Thongchai S, Allison Peltzman, Savelov Maksim, myMelody / Shutterstock.com

1

Это был обычный воскресный вечер. Стемнело рано, за окном моросил нудный ноябрьский дождик. А в уютном и просторном банкетном зале было светло, играла негромкая музыка, быстро и бесшумно, точно тени, двигались официанты.

Небольшой, но известный в районе бар-ресторан со смешным названием «Котейня» сегодня был закрыт на спецобслуживание: здесь собралась компания одноклассников. Забронировали заведение давно, за полтора месяца до назначенной даты. «Котейня» шла нарасхват, здесь всегда бывал аншлаг, кормили вкусно и сытно, цены не заламывали, а стиль и интерьер были оригинальными и выгодно отличали это заведение от других. Повсюду – в фойе, в зале, даже в туалетных комнатах – сидели, лежали, стояли разнообразные фигуры кошек и котов, сделанные из гипса, металла, соломки и прочего. Официанты также были загримированы под котов, носили ушки, нарисованные усики, а сзади у каждого болтался длинный меховой хвост. Блюда имели «кошачьи» названия: салат «Кошкин дом», плов «Василий-кот», жаркое «Вискас», десерт «Кис-кис». А при входе гостей встречал огромный толстяк в маске кота, облаченный в черный фрак. На лацкане блестел бейджик с надписью «Бегемот».

Неудивительно, что сюда, в «Котейню», рвались проводить дни рождения, памятные даты, встречи и другие крупные мероприятия.

За 12 лет после окончания школы 11-й «б» собирался лишь один раз. Неизвестно, в чем была причина такой малой активности одноклассников: возможно, не было между ними особой дружбы, а может быть, дело было в том, что многие сразу по окончании школы разъехались по другим районам и даже городам, а кто-то вообще за границу. Тогда, шесть лет назад, из тридцати двух человек, учившихся в классе, удалось собрать лишь восемнадцать. Занималась сбором бывшая староста класса Кристина Минина. Ей помогали подруги Вика Соколова и Маша Прокопец. Застолье прошло скучновато, говорить бывшим одноклассникам было по большому счету не о чем, у каждого началась своя взрослая жизнь, школа вспоминалась далеко не в розовом цвете. А главное, на

встрече отсутствовали два классных лидера – Влад Куличенко и Ярик Лисовский. Куличенко только-только организовал собственный бизнес и был в командировке по делам, а спортсмен Лисовский уехал на сборы. Без них, особенно без Куличенко, класс выглядел стаей, лишившейся вожака. Посидели, выпили, закусили, попели под гитару, поболтали и разошлись.

Теперь все происходило иначе. Влад, за эти годы прилично разбогатевший и заматеревший, заявил, что намерен взять организацию встречи в свои руки. Лисовский тоже оказался в Москве между соревнованиями. А вот Кристина, напротив, с удовольствием сложила с себя полномочия лидера, вручив мальчишкам бразды правления: она совсем недавно вышла замуж, и не за кого-нибудь, а за депутата, активно делающего политическую карьеру. Муж, молодой красавец, держал Кристину в строгости, тщательно следил за ее нравственным обликом, опасаясь, что она может бросить тень на его безупречную репутацию. Он был категорически против всяких сборов, посиделок и пьянок и согласился отпустить Кристину в «Котейню» строго на три часа при клятвенном заверении ее не напиваться, вести себя соответственно статусу и быть дома не позже одиннадцати.

Куличенко взялся за дело со свойственным ему размахом. Заранее забронировал зал, внес дополнительные деньги, чтобы бар закрыли для посторонних. Одним из партнеров Влада по бизнесу был крупный винный заводчик, он поставил для мероприятия отличное спиртное по самой низкой цене. Ярик, недавно открывший свою школу гимнастики, пригласил девочек с развлекательным танцевально-спортивным шоу. Вике и Маше было приказано обзвонить с пристрастием всех одноклассников, контакты которых имелись в наличии. Все это возымело свое действие: народу собралось 26 человек, сидели с пяти часов, качественная выпивка развязала языки и существенно повысила настроение. Многие разоткровенничались, пошли задушевные разговоры, потом танцы до упаду, потом снова разговоры. Словом, вечер удался. В процессе празднования все дружно славили Куличенко, в его честь подняли тост, и даже не один. Влад самодовольно улыбался, скромность никогда не была отличительной чертой его характера.

Незаметно вечер перевалил за середину и быстро покатился к концу. В зале стало душно от разгоряченных тел, на столе, нарушив первоначальный идеальный порядок, вперемешку валялись грязные и мокрые салфетки, тарелки с остатками еды, перевернутые рюмки. Народ стал собираться и уходить. Кто-то еще сидел небольшими кучками по двое-трое, вполголоса беседуя. Пьяный в щи

Серега Смелин, обняв гитару, тренькал что-то меланхолическое, на его шее повисла не менее пьяная Машка, тушь у нее размазалась, образуя под глазами причудливые черные узоры. Явно уставшие официанты потихоньку собирали посуду, усы у них подстерлись, и даже хвосты грустно повисли, всем своим видом показывая, что пора и честь знать.

Бодрым и неутомимым выглядел один Куличенко. От выпивки он не раскисал, а только наливался багровым румянцем. Он продолжал наливать себе стопку за стопкой, обсуждая какие-то свои дела с Лисовским. Голос у Влада был зычный, он легко покрывал гул, витающий над столом, а вид весьма свирепый: высокого роста, метр девяносто, необычайно широкоплечий, краснолицый, с кустистыми смоляными бровями и с нависающим над ремнем пузцом. В противовес ему Лисовский, идеально сложенный, миловидный блондин с голубыми влажными глазами слегка навыкате, казался голливудским киногероем. Все школьные годы они были вместе. Ярик изначально еще в младших классах прилепился к отчаянному и смелому Куличенко, получая от него выгодную поддержку и защиту от чужих кулаков. Учился Ярик неплохо и позволял раздолбаю Владу списывать все контрольные и домашние задания. Так они продружили всю начальную и среднюю школу. А к старшим классам их союз оказался сокрушительным для всех окрестных девчонок. Красавчик и спортсмен Ярик замечательно дополнял необузданного, похожего на орангутанга, но по-своему притягательного Куличенко, они выглядели диаметрально противоположными, и оба пользовались невероятным успехом у женского пола. Возможно, в глубине души тонкий и деликатный Лисовский отчасти презирал скотоподобного приятеля. Но внешне это никогда и ни в чем не проявлялось, Ярик и Влад всегда были заодно, неизменно вместе, и если Куличенко к старшим классам получил однозначный титул короля, то Лисовский был неким герцогом при его дворе, не таким всемогущим, но весьма чтимым и уважаемым.

Сегодня Ярик был, что называется, в ударе. Ему давно, еще с девятого класса, нравилась Вика. Перед самым выпускным у них вспыхнул яркий и красивый роман. Но Вика быстро остыла, она была ветреной девчонкой, невеликого ума, избалованной богатыми родителями. Лисовский же привык пахать, как вол, учась в спортивной школе и выигрывая юношеские соревнования по гимнастике. После школы он поступил в университет физкультуры и стал уезжать на сборы. Вика вовсе не собиралась ждать его с тренировок и из поездок, ее бесил жесткий спортивный режим, которого Ярослав должен был придерживаться. Ей хотелось гулять, тусоваться, ночи напролет проводить в клубах. Они разбежались, а вскоре Вика вышла замуж за молодого компаньона отца по бизнесу. Брак их продолжался четыре года и рухнул так же, как отношения с

Яриком. Вика оказалась скверной женой, хозяйство вести не умела и не хотела, а главное, категорически не желала заводить ребенка. На этом они и столкнулись с мужем, который, как на грех, мечтал о малыше. После очередного скандала он собрал вещи и уехал, а Вика осталась в однокомнатной квартирке, заботливо купленной ей отцом. А еще через два года Викины родители, возвращаясь с дачи на машине, попали под колеса фуры. Ее жизнь дала крутой поворот. Мать с отцом в ней души не чаяли: единственная дочка, красавица. Деньги в семье водились, Вике ни в чем не было отказа. При родителях она продолжала себя чувствовать маленькой девочкой, которой все позволено, несмотря на то, что ей было уже 26. Ее ровесники отучились в институтах, работали, открывали свое дело. А Вика после школы даже пробовать поступать никуда не стала. Муж купил ей салон, она вяло поруководила им, научилась кое-как делать маникюр и макияж и вскоре потеряла к этому делу всякий интерес. А зачем? Отец с радостью спонсировал любые дочкины забавы, даже когда та была замужем, а тем более после развода.

И вот отца не стало. После похорон, отплакав и отгоревав, Вика провела ревизию семейных средств, доставшихся ей в наследство. Получалось довольно недурно: родительская двушка с хорошим ремонтом, дача в Панках и кое-что на вкладе в банке. Квартиру Вика сдала, дачу продала, деньги прибавила к имеющемуся счету и стала жить-поживать, по-прежнему не работая, проводя время в спа-салонах, магазинах, клубах и на курортах.

С Лисовским Вика за последние четыре года встречалась всего пару раз, однако он регулярно ей звонил. Он, как и Куличенко, стал весьма успешен, помимо спорта занялся околоспортивным бизнесом, сменил множество подруг, но упорно оставался холостым. Они болтали по телефону, разговор шел ни о чем, но Вика видела, что чувства Ярика не прошли. Он не прочь был возобновить отношения, о чем периодически намекал Вике, а та делала вид, что не понимает намека. И вот сегодня настал его день.

Накануне Лисовский стал настойчиво названивать Вике и предлагать заехать за ней домой на недавно купленном новеньком автомобиле. Она сказала, что приедет на такси. Лисовский огорчился, но ненадолго. Он встретил Вику в дверях ресторана, помог снять пальто, ухаживал, как мог, рвался танцевать все подряд. Под конец вечера он так надоел ей, что она в очередной раз убежала с девчонками курить на улицу и зависла там на полчаса. Ярик, как истинный спортсмен, не курил и табачный дым на дух не переносил. Он несколько раз выглядывал из дверей бара, корчил страдальческую мину:

– Девчонки, ну вы что! Ну сколько можно себя травить! Вы же будущие мамы!

Маша и Кристина громко хохотали, Вика загадочно улыбалась улыбкой Джоконды. Потом Кристина спохватилась, что насквозь пропахнет дымом и муж ее на порог не пустит. Пришлось возвращаться.

В зале было уже совсем пусто. Серега по-прежнему терзал гитару, Куличенко и Лисовский что-то увлеченно обсуждали за столом. Машка сделала попытку взгромоздиться на колени к Владу, но тот рявкнул на нее и продолжал беседу с Яриком. Машка коротко матюкнулась и переключилась на Смелина. Вика почувствовала, что ее клонит в сон, и попросила у худенькой светловолосой официантки кофе. Та кивнула и шмыгнула мимо. Влад, не прерывая беседы, протянул огромную квадратную ладонь и ловко ухватил девчонку за меховой хвост. Хвост тут же остался у него в руке. Официантка остановилась, недоуменно и беспомощно глядя на Влада.

– А ты ничего, лапочка, – басом изрек тот и с силой хлопнул девушку по ляжке, так что бедняга пошатнулась.

Куличенко и Лисовский весело заржали. Официантка поспешила ретироваться.

– Однако, – пробормотал Куличенко, оглядывая опустевший зал, – куда все делись?

– Время, Кулич. – Ярик сунул другу под нос запястье с циферблатом швейцарских часов.

– Какое еще время? – недовольно возвысил голос Влад. – Время еще детское.

– Без десяти одиннадцать, – констатировал Лисовский. – Они закрываются в одиннадцать. Я предлагаю, знаете что? – Он обернулся на Вику, со скучающим видом сидевшую чуть поодаль.

– Ну что? – лениво поинтересовалась та.

– Давайте рванем ко мне на дачу! А, Кулич?

Идея явно вдохновила Ярика, от природы бледное лицо его порозовело.

– На дачу? К тебе? – Влад медленно тянул слова, по его тону Вика поняла, что все-таки он порядочно пьян.

– Ну да. – Ярик продолжал смотреть на Вику, одновременно пытаясь обращаться и к Владу, получалось у него это с трудом, приходилось вертеть головой то в одну, то в другую сторону.

Машка навострила уши и, оставив Смелина, подошла к компании.

– А где твоя дача? – поинтересовалась она у Лисовского. – Небось в заднице какой-нибудь?

– Обижаешь, – вскинулся Ярик. – Медвежьи озера. Тут ехать всего ничего, воскресенье, дороги свободны. У меня там ящик вискаря и полный холодильник. Всю ночь можно сидеть. В конце концов, я тоже выпить хочу.

– А кто тебя просил на машине приезжать? – равнодушно уронил Куличенко. – Повыпендриваться захотелось? – Он бросил выразительный взгляд на Вику.

– Да сколько ж раз говорить – я по делам ездил, с утра был на колесах, – закипятился Ярик, чувствуя, что его разоблачают.

Вика сухо усмехнулась, вспоминая, как вчера он названивал ей с предложением подвезти до ресторана. Врет парнишка. Куличенко его раскусил.

– На колесах он, – насмешливо проговорил Влад, – кто тебе мешал поставить колеса на стоянку и взять такси, как все приличные люди. Один ты здесь такой деловой?

– Так, ладно. – Лисовский решительно встал. Вид у него был крайне обиженный. – Не хотите ехать? Ну и не надо! Арриведерчи, как говорится… – Он полез было из-за стола, но пудовая рука друга легла на его плечо.

– Да ладно, Лис, не гони. Поедем мы на твою дачу. Что ж мы, бараны, чтобы так вот взять и разойтись?

– Я пас, – встряла Кристина. – У меня муж.

– Объелся груш, – тут же срифмовала Машка.

– Ничего смешного. – Кристина оглядела бывшую подругу с плохо скрытым превосходством.

Машка когда-то слыла первой классной красоткой, яркая блондинка с кукольным лицом и ослепительно-синими глазами. Странно, но своей первой любовью она выбрала не красавчика Лисовского и не других симпатичных парней в классе, а Куличенко. Их так и называли – красавица и чудовище.

Куличенко Машку не любил. Он вообще никого не любил, на женщин смотрел как на забаву, делил их на дорогих и очень дорогих, как машины. Машкой он пользовался с 16 лет, иногда приближал, иногда отталкивал, периодически вовсе забывал о ее существовании. А она влипла. Готова была на все, лишь бы остаться с ним хоть на одну ночь. Бежала по первому звонку, отхаживала его после запоев, лечила, если он гриппoвал. И пила, пила, заливая грусть-тоску.

К тридцати годам от ее красоты осталась ровно половина: по-прежнему роскошные длинные светлые локоны и пронзительные синие глаза. Остальное оставляло желать лучшего: фигура, некогда точеная, поплыла, пышная грудь обвисла, лицо стало рыхлым и одутловатым, голос от бесконечного курения осип. Теперь Кристина, которая в школьные годы не отличалась привлекательной внешностью и из трех подруг считалась самой некрасивой, рядом с Машкой выглядела королевой. Она занималась спортом, следила за собой, ходила к дорогим стилистам, одевалась с иголочки.

Машка поймала высокомерный взгляд подруги и ухмыльнулась.

– Ну да, конечно, Кристиночка же у нас готовится стать женой президента. Смотрите, мальчики, будущая первая леди! – Машка сделала неприличный жест и состроила насмешливую физиономию.

Кристина поджала губы и холодно проговорила:

– Может быть, все может быть. – После чего углубилась в телефон в поисках такси.

– Владик, так мы едем? – Машка преданно уставилась на Куличенко.

– А тебе спать не пора, девочка? – Тот с полуулыбкой смотрел на ее мокрое красное лицо в подтеках туши.

– Нет, я в порядке, – поспешно проговорила Машка. – Сейчас схожу освежусь, и все пучком.

– Сходи, сходи, – миролюбиво разрешил Влад и кинул мимолетный взгляд куда-то в глубь зала.

– Викуся, ты едешь? – радостно засуетился Ярик.

– Еду, еду, куда я денусь, – все с той же апатией проговорила Вика. – Где, черт возьми, мой кофе? Я сейчас усну.

Кристина уехала домой. Машка ушла в дамскую комнату. Ярик удалился греть машину. Серега дремал, уткнувшись лицом в покрытую пятнами крахмальную скатерть.

Вика ждала кофе и вполуха слушала тихую музыку, льющуюся из динамиков. Влад все наливал и наливал, не трогаясь с места. Казалось, он о чем-то думает или чего-то ждет. Наконец девушка принесла кофе. Он оказался на редкость невкусным. Вика, морщась, сделала пару глотков.

– Гадость какая. Влад, пошли отсюда. Где Машка, спит, что ли, в сортире?

– Я пойду посмотрю. – Влад поднял со стула свое грузное тело.

– Может, лучше я? – Вика глянула на него с удивлением. – Это все же женский туалет.

– Да мне самому надо, – коротко хохотнул Влад.

Вика пожала плечами. Влад ушел. Она отхлебнула еще глоток и решительно поставила чашку на стол. И это у них называется кофе! Мимо прошли Лена Рудакова и Полина Теслина, одни из последних, засидевшихся в баре.

– Пока, Викуня! Все было супер. Владу отдельное спасибо.

– Передам, – кивнула Вика.

Она думала о том, как сейчас они приедут на дачу к Ярику, и тот начнет приставать. Да ежу понятно, что весь план с поездкой на дачу он придумал еще вчера, надеясь таким образом заполучить Вику. Что ж, вероятнее всего, у него все получится: Машка наверняка залезет в койку в Владу, Ярик и Вика останутся один на один. Хитрый Ярик, полностью оправдывает школьную кличку Лис…

Может быть, это и к лучшему. Ярик, по ходу, для нее на все готов. Даже жениться… При мысли о женитьбе Вику охватила тоска. Господи, вот же есть дуры, вроде Кристи, которые помешаны на браке. Драят квартиру, намывают полы, вертят мужу домашние котлетки, торты пекут. Потом носятся с орущими младенцами, горшками и вонючими подгузниками. Брр… нет, ей, Вике, ничего такого не надо. Она вовсе не чувствует себя одинокой, прекрасно живет себе одна, а убирать приглашает женщину два раза в неделю. А Ярик… сойдет на сегодня для приятного времяпрепровождения. Сойдет…

Вика решительно встала из-за стола. Кажется, Влад провалился вместе с Машкой. Или, не дай бог, они там решили заняться кое-чем неприличным – Машка это вполне может. Что ей стоило дотерпеть до Яриковой дачи! Вика представила себе Машку, дающую Куличенко в клозете, и ее передернуло от отвращения. Мерзость какая. Тут же ей стало стыдно, Машка все-таки ее подруга, а она такого напридумывала. Скорей всего, ее просто окончательно развезло, и ей необходима помощь. Надо пойти и помочь.

Вика потормошила сладко храпящего Смелина, увидела, что он приоткрыл глаза, и вышла из зала. Она прошла небольшой коридор, спустилась по лесенке и очутилась в санитарной зоне. Рядом с дверью в женский туалет сидела деревянная кошечка с бантиком на шее и в кокетливой шляпке, у мужской кабинки стоял на задних лапах тоже деревянный котище с наглой мордой. В лапах он держал пижонскую тросточку. Обе двери были плотно закрыты.

Вика заглянула в женский туалет и едва не упала. Взгляду ее представилось кошмарное зрелище: посреди комнаты в полной прострации стоял Куличенко. Джинсы его были спущены до колен. Прямо перед ним на кафельном полу на коленях стояла Машка. На ее шее был туго затянут ремень Владиковых брюк, концы которого Куличенко крепко держал в руках.

– Вы что! Вы… вы с ума сошли! Забыли, где находитесь??? Это же не бордель, а ресторан! – Вика подошла поближе, стараясь не смотреть на лишенного брюк Куличенко. Тот что-то бормотал и слегка покачивался из стороны в сторону. – Маш, вставай. – Она тронула подругу за плечо. – Вставай, слышишь. Так и задохнуться можно. Смотри, ты уже синяя вся. Ты… – Вика вдруг осеклась и замолчала. Она не могла оторвать взгляд от Машкиного лица. Точнее, от ее глаз – они были совершенно стеклянные и неподвижные. Мертвые глаза. И мертвое синее лицо. – Господи, – в ужасе прошептала Вика и наконец поглядела на Влада. – Ты… ты что натворил? Ты же, ты убил ее! Ты ее задушил!!! – Последние слова Вика уже кричала. Влад смотрел куда-то мимо нее и продолжал свое безумное бормотание.

На мгновение Вике показалось, что он сошел с ума. Ей стало жутко. Она опрометью кинулась вон, со всего маху наткнулась на деревянную кошечку, та с грохотом полетела на пол. В лестничном пролете возникло удивленное лицо официанта.

– Что-то случилось?

– Там… там… – Вика махнула рукой на дверь туалета. – Там ужас.

Парень поспешно спустился к Вике.

– Кому-то плохо? Вызвать «Скорую»?

Вика вдруг спохватилась. Возможно, Машка не до конца умерла? Может быть, ее еще можно спасти, оживить? Ведь спасают же иногда людей из петли?

– Да, да, «Скорую»! Быстрей! Моя подруга… она… ее задушили.

Официант взглянул на Вику с испугом, поколебался и толкнул дверь.

– Ой, ешкин кот!

Дверь захлопнулась, парень пронесся мимо Вики, на бегу набирая телефон.

– Алло, полиция? У нас труп. Бар-ресторан «Котейня», пишите адрес.

Вниз уже спешили люди, Вика заметила среди них белое от ужаса лицо Смелина, его моментально протрезвевшие глаза. Мимо нее взад-вперед сновали официанты, охранник, администратор, кто-то еще. Двое мужчин вывели из туалета Куличенко, крепко держа его под руки. Тот по-прежнему молчал и почти не сопротивлялся. Вику никто не замечал. Она потихоньку отошла в сторону и присела на лавочку возле лестницы. Ей стало дурно, к горлу подкатила тошнота, в следующую секунду ее вырвало на чисто вымытую бежевую плитку.

По ступенькам спускались две женщины в синих комбинезонах. В руке у одной был чемодан.

«Скорая», – вяло подумала Вика. Она уже знала, что Машке никто не поможет. Даже врачи.

Женщины находились в туалете минут пять. Потом вышли. Лица у них были бесстрастные и ничего не выражающие. Следом за ними в туалет зашли двое полицейских. Третий огляделся, заметил Вику и подсел к ней.

– Это вы подруга? – Вид у него был откровенно сонный и усталый.

– Я, – хриплым шепотом ответила Вика.

– Расскажите, как вы их нашли. Все по порядку, ничего не упуская.

– По какому порядку? – Вика ничего не понимала.

Нет, этого не может быть. Это дикость, бред. Машка мертва, мертвее мертвых. Влад ее убил. Задушил ремнем от брюк. Наверное, они часто так развлекались. Наверное. А тут оба были сильно пьяные. Куличенко не рассчитал силы. Конечно, ведь он может лошадь с ног свалить своими кулачищами. Не рассчитал. И Машки теперь больше нет. А Влада посадят…

– Его посадят? – спросила Вика, глядя в равнодушные глаза полицейского.

– Посадят, – спокойно и буднично подтвердил тот. – А от вас, девушка, мне нужны показания. Кто-нибудь еще из вашей компании остался здесь?

И тут Вика вспомнила про Ярика. Он же должен быть тут, поблизости. Сидеть в своей машине. Ждать их. Почему он до сих пор не пришел в ресторан, он же понимает, видит, что случилось неладное? Не успела Вика так подумать, как по лестнице сбежал Лисовский.

– Вика! Викуся!

– Лис! – Вика вскочила и кинулась к нему. Уткнулась в его грудь, зарыдала. Ярослав тихонько гладил ее по волосам, прижимая к себе.

– Ну ладно, ладно. Успокойся. Не плачь. Слышишь, малыш, не плачь. Я здесь, я с тобой.

– Девушка перенервничала, – проговорил полицейский, в голосе его впервые прозвучала нотка сочувствия.

– Командир, можно я уведу ее? – спросил Лисовский, продолжал обнимать Вику. – Вы ведь не сомневаетесь в ее невиновности? А ей на сегодня хватит.

– Да нет, какие могут быть сомнения, – пожал плечами мужчина, – пойман, как говорится, с поличным. Пить надо меньше, господа одноклассники. Но девушка мне нужна. Она свидетель. Должна дать показания.

– А завтра это можно сделать? Или послезавтра?

– Вообще-то нельзя, – полицейский выразительно поглядел на Лисовского.

– Понял, – тот кивнул. – Можно вас на минутку? – Он аккуратно отодвинул Вику, и они с полицейским отошли подальше в угол. Через минуту Лисовский вернулся и взял Вику под руку: – Идем. Пошли. Я отвезу тебя домой.

– Домой? Не на дачу? – Вика смотрела на Ярика опухшими от слез глазами.

– Какая дача? Пошли.

Он вывел ее наверх, помог одеться, посадил в машину.

– Бедная Машка. – Слезы снова текли у нее по лицу. – За что? Ей даже тридцати не было… Что теперь будет с Владом?

– Я завтра поеду к нему, – сказал Лисовский и включил зажигание. Блестящая белая «Хонда» плавно тронулась и растворилась в темноте.

2

В последующие три дня Вика смогла убедиться в исключительном благородстве Лисовского. Начать с того, что он доставил ее домой, поднялся вместе с ней в квартиру, уложил в постель, заварил чаю, накапал валерьянки. Дождался, пока у Вики начнут слипаться глаза, и уехал! Не сделал никакой попытки воспользоваться ситуацией и получить доступ к телу, хотя у него были все шансы – испуганная и подавленная Вика была не против того, чтобы прижаться в постели к надежному мужскому плечу. Но нет, Ярик повел себя по-джентльменски.

Назавтра он заехал снова и отвез Вику к следователю. Тот обошелся с ней более чем вежливо, что было немудрено: перед тем, как пустить Вику в кабинет, Лисовский зашел туда сам, оставил следаку пару банкнот солидного достоинства, а кроме того, поинтересовался, нет ли у него среди близких молодой девушки, и получив ответ, что есть дочь-подросток, с ходу пригласил ее в свою гимнастическую школу. Обучение в школе Лисовского стоило приличных денег, но, разумеется, девочке предлагалось заниматься абсолютно бесплатно. Таким образом он в разы облегчил для Вики неприятный и утомительный процесс дачи показаний. Она вкратце описала вчерашний вечер, поставила подпись на протоколе, и ее отпустили восвояси.

Похороны Маши так же легли на плечи Лисовского. Прокопец жила с мамой-пенсионеркой, работала диспетчером в РЭУ, родственников у нее не было, а из друзей – только школьная компания Куличенко, начальница РЭУ и два дворника-таджика, которые ее очень любили за веселый и разбитной нрав и блондинистые волосы, казавшиеся им верхом женской красоты. Ни у Машкиной матери, тети Оксаны, ни тем более у таджиков денег не было. Машка с матерью жили скромно, чтобы не сказать бедно. Вика и Кристина были в курсе, что Куличенко иногда подкидывал ей бабок. Машка называла это «материальной поддержкой». Но сейчас поддержки ждать было неоткуда, Куличенко сидел в СИЗО. Поэтому девушкам и Лисовскому ничего не оставалось, как взять организацию печального процесса в свои руки.

Ярик мотался на машине из морга на кладбище и в прочие инстанции, Кристина занималась закупкой продуктов для поминок, а Вика осталась сидеть с тетей Оксаной, которой стало настолько плохо с сердцем, что ее хотели забрать в больницу.

Машу похоронили в среду. День выдался на редкость холодный и ветреный, совсем зимний, хотя стояла только середина ноября. Ее отпели в маленькой церквушке рядом с домом, где у Машкиной матери был знакомый батюшка.

На отпевании тетя Оксана держалась, а на кладбище ей стало совсем плохо. Ноги не слушались ее, она повисла на плечах у таджиков, черная косынка сползла с ее головы, и золотистые локоны, точь-в-точь как Машкины, трепал и путал ледяной ветер.

– Дочечка моя, – рыдала несчастная женщина, – милая моя, на кого ж ты меня оставила…

Вика и Кристина попытались обнять ее, но она с неожиданной силой рванулась и оттолкнула их.

– Все он! Он!! Пусть сгорит в аду! Мерзавец, убийца, нехристь! Всю жизнь ей поломал, а теперь и убил!

Машкина мать погрозила кулаком, глядя ненавидящим взглядом в пустоту, словно перед ней стоял Влад Куличенко. Затем обернулась на девушек. Лицо ее перекосила гримаса страдания и злобы:

– Вы! Вы тоже виноваты! Вы были с ним заодно! Все были его шестерки, ползали перед ним…

Возмущенная Кристина открыла было рот, чтобы возразить, но Лисовский сделал ей знак молчать. Порыв горестного гнева быстро прошел, женщина сгорбилась и покорно полезла в машину, поддерживаемая Яриком и таджиками. Сидевшая за рулем тетка из РЭУ нажала на газ. Девушки сели в автомобиль к Лисовскому. Ехали молча, Вика буквально кожей ощущала повисшую над ними гнетущую тишину.

На поминках стало чуть-чуть полегче. После третьей рюмки Вика почувствовала, что ее отпустило. Страшная картина, преследовавшая ее с воскресного вечера, перестала маячить перед глазами. Ярик сидел между ней и Кристиной, она ощущала идущее от него тепло, его плечо было совсем рядом. От этого ей стало не так страшно. Машкина мать быстро захмелела. Лицо ее раскраснелось лихорадочным румянцем, опухшие от слез глаза блестели.

– Машенька моя какая красавица была! – Она кивнула на портрет, стоящий во главе стола.

На нем Машка была совсем юная, только-только после школы. Вид у нее действительно был как у киноактрисы. Вика кивнула и тяжело вздохнула.

– Жалко как, – полушепотом проговорила она так, чтобы ее слышали только Кристина и Ярик.

– Еще бы не жалко, – согласился Лисовский. – Какие ее годы!

– Я не о том, – так же тихо сказала Вика. – С такой внешностью она могла быть кем угодно, артисткой, моделью. А она… – Вика замолчала, с грустью покачав головой.

– Потому что думать надо мозгами, а не одним местом, – тоже шепотом, но зло проговорила Кристина. – Так бухать и блудить – никакой красоты не хватит.

– Перестань! – одернула ее Вика. – О покойных или хорошо, или ничего.

– Что я такого сказала? – возразила Кристина. – Это же правда.

– Пошла ты со своей правдой. – Вика вытерла набежавшую слезу и выпила залпом стопку коньяка, заботливо налитую Яриком.

– Ладно, не будем о грустном. – Кристина достала из сумочки пудреницу и придирчиво осмотрела себя в зеркальце. – Лис, что там Куличенко? Ты был у него?

– Был. – Лисовский кивнул.

– И как?

– К нему не пускают. Потом, может быть.

– Но что они говорят? Он признался?

Ярик отрицательно помотал головой.

– Нет? – Кристина округлила глаза.

– Как не признался? – удивилась и Вика.

– Не знаю. – Лисовский глотнул боржоми из бокала. – Менты говорят, он точно в пелене какой-то. Все бормочет что-то неразборчивое. И смотрит дико.

– Может, он это… спятил? – Кристина аккуратно положила зеркальце в сумочку.

Вике захотелось вцепиться ногтями ей в накрашенную физиономию.

– Совсем нельзя разобрать? – спросила она у Лисовского.

Тот кивнул.

– Говорят, совсем. Один раз только сказал отчетливо: «Я не виноват. Это все она». И снова бормотать.

– Это он о Машке, – оживилась Кристина. – Она его вечно совращала. Где он только не имел ее – и в машине, и в подъезде. И кажется, даже в самолете!

– Кристя, да заткнись ты наконец, – не выдержала Вика. – Вспомни, где находишься.

– Я помню, – огрызнулась Кристина.

Раздался звонок в дверь. Один из таджиков, молодой парень с черной бородкой, пошел открывать. В комнату влетел Серега Смелин с огромным букетом белых лилий.

– Прости, Маша, не успел! – Он бережно положил цветы к портрету. Лицо его было серым и помятым. – Не успел я, – повторил он и опустил голову. – Жена рожать начала. Я ее в роддом, сам сюда. Машенька! – Голос Смелина задрожал.

– Он че, бухой? – в ухо Вике шепнула Кристина.

– Наверное. – Та пожала плечами. – Будешь бухим, если жена рожает. И потом, он же влюблен был в Машку.

– Не может быть!

– А ты не знала? Кажется, еще с седьмого класса. Пойду покурю. – Вика встала.

– Я с тобой. – Лисовский тут же вскочил.

– Куда? У тебя же спортивный режим, – усмехнулась Вика.

– Режим сегодня можно нарушить. – Лисовский взял Вику под руку. – Пойдем.

Они вышли на площадку, встали к открытому окошку. Вика не спеша достала сигарету.

– Хочешь? – Она протянула Лисовскому пачку.

– Нет. Тем более дамские.

– Какая тебе разница, дамские или нет, если ты не куришь? – фыркнула Вика.

– Ты права, никакой.

Ярик улыбнулся. Он стоял напротив и смотрел прямо на нее в упор.

– Прекрати так смотреть, – она легонько толкнула его в плечо. – Ты мне мешаешь.

– Мешаю курить?

– Да! Зачем ты вообще за мной пошел?

Лицо Лисовского вдруг сделалось серьезным.

– Знаешь, что я думаю? – сказал он просто.

– Откуда мне знать? – Вика выпустила струйку дыма ему в лицо.

– Я думаю, это не Кулич.

– В смысле не Кулич? Ты прикалываешься? – Вика смотрела на Ярика с недоумением.

– Да не мог он этого сделать! Я же Влада с семи лет знаю! Да, он кабан бессовестный, грубая скотина, кобель. Но не убийца!

– Хватит, – зло сказала Вика. – Хватит гнать. Я своими глазами видела, как она лежала перед ним с ремнем на шее! Са-ма, – она повторила по складам, – слышишь, видела, как он этот ремень держал. Кулич держал ремень, затянутый на шее у Машки. А ты говоришь, не он.

– Вика, не злись, тебе не идет, – спокойно проговорил Лисовский.

– Я и не злюсь. Просто ты… ты… надеешься, что он отмажется?

– Не знаю, – пожал плечами Ярослав. – Может быть. Он мой друг.

– А Машка была моей подругой! – закричала Вика.

Лисовский молчал. Она почувствовала, что устала. Ей захотелось домой, спрятаться ото всех и от него тоже, домой, в свою уютную, теплую нору.

– Все, хватит об этом. – Она потушила окурок. – Пошли обратно.

Они вернулись. Кристина и Смелин сидели рядом, обнявшись. Смелин рыдал на Кристининой плоской груди.

– Я ее любил. Так любил. Я… дочку… Машей назову в честь нее. – Серега смотрел на Кристину мутными глазами.

– А у тебя дочка?

– Черт. Не знаю. Я уехал, жена еще не родила. Может, и сын.

– УЗИ-то что показывало? – спросила его подошедшая Вика.

– Не помню, – отчаянно и сокрушенно махнул рукой Смелин.

– Ну ты даешь. – Вика села на свое место. – Давайте помянем Манечку. Царствие ей небесное. – Она, не чокаясь, выпила стопку.

3

Время – удивительная субстанция: что бы ни происходило, какое бы радостное или трагическое событие ни случилось бы, все равно очень скоро оно становится прошлым.

Вика оглянуться не успела, как со смерти Машки минуло девять дней. Они снова собрались в маленькой Машкиной квартире, и были за столом все те же люди: Вика, Кристина, Лис, тетя Оксана, давешние таджики. Только начальница РЭУ слегла с гриппом, а Смелина не пустила жена – заставила помогать с новорожденным сыном. Помянули Машу, поплакали, посетовали на судьбу-злодейку, да и разошлись.

И снова понеслась чехарда дней. Вика потихоньку пришла в себя, вернулась к привычному образу жизни – салоны, спа, тренажерный зал, клубы. Лисовский уехал на соревнования, на целую неделю, и, честно говоря, она была этому рада. Его отсутствие давало ей возможность не принимать решения относительно их отношений. Вика видела, что Ярик влюблен и полон надежд и планов относительно нее, но у самой у нее никаких планов на совместную с ним жизнь так и не появилось. Кристина, с которой Вика поделилась своими мыслями на этот счет, раскритиковала подругу в пух и прах:

– Викуся, ты с жиру бесишься. Тебе через полгода тридцатник. Уже не девочка. Лис отличный кандидат в мужья, и внешность, и деньги – все при нем. А уж относится к тебе просто супер.

– Ну не нужен он мне, – с тоской в голосе проговорила Вика.

– А кто тебе нужен? Кот? Смотри, останешься с полосатым другом, без семьи, без детей. Я знаю таких.

Вика не относилась серьезно к словам Кристины. В самом деле – какие ее годы? Успеет еще родить, если это так уж важно, как все считают. Она, однако, исправно общалась с Лисовским по телефону – тот звонил утром и вечером, как по часам. Интересовался, как она себя чувствует, прошел ли у нее стресс от гибели Маши. Вика отвечала, что чувствует себя неплохо, но Машку ей по-прежнему ужасно жаль. Наконец Ярик вернулся и тут же пригласил Вику в театр на модную премьеру. Вика театралкой не была, в драматургии не разбиралась, но зачем-то решила не отказываться и пошла с Лисовским.

С первых же минут ей стало ясно, что делать этого не следовало – Ярик доверчиво дышал ей в ухо, норовил придвинуться потесней, сыпал умными комментариями и всем этим несказанно бесил Вику. Она сидела в темном зале, зевая, смотрела на сцену и думала, как хорошо было бы сейчас оказаться в

клубе, выпить пару «Маргарит», отвязно потанцевать с каким-нибудь незнакомцем, который не станет лезть в душу и вообще будет слегка отстранен и груб. А потом поехать с ним в ночном такси и провести ночь в отеле, чтобы наутро уйти и раствориться в огромном и безликом городе.

Если бы Ярик мог читать ее мысли, он бы ужаснулся, а возможно, и разочаровался бы в своей школьной любви. Но Лисовский подобным даром не обладал, а потому продолжал пожирать Вику восхищенным взглядом, думая, что из всех женщин, которые у него были в немалых количествах, эта – самая романтичная, нежная и беззащитная.

В целом вечер сложился так себе, ни рыба ни мясо. После театра Ярик предложил посидеть в кафе, ожидая, что за ужином последует приглашение в гости от Вики. Но та сказала, что у нее разболелась голова, и попросила отвезти ее домой. На том они и расстались – Лисовский несолоно хлебавши, а Вика – с оскоминой, которую набила ей модная премьера.

4

Кристина ждала мужа с работы. Собственно, это было теперь ее основное занятие. С тех пор как она летом вышла замуж за Олега, каждый ее день был похож на другой. Ровно в семь подъем, душ, укладка, макияж, параллельно с этим она ставила чайник и готовила на завтрак овсяную кашу. Олег пил исключительно чай, и только зеленый, молочный улун, а на завтрак непременно требовал разваристую овсянку с изюмом и курагой. Овсянку и курагу Кристина замачивала с вечера, чай каждое утро заваривала свежий. Без четверти восемь она будила мужа, румяная, бодрая, накрашенная и причесанная. Пока Олег совершал утренние процедуры, Кристина накрывала в гостиной круглый дубовый стол, обязательно покрыв его чистой, идеально накрахмаленной скатертью. Она ставила две тарелки, до блеска намытые приборы, восхитительные чайные чашки с блюдцами из мейсоновского фарфора, подаренные им на свадьбу. К этому всему полагались живые цветы в маленькой хрустальной вазочке. Их приносил посыльный каждое утро ровно в половине восьмого.

Олег появлялся из ванной в белом махровом халате, с мокрой шевелюрой, усаживался за стол и ел свою овсянку с таким видом, словно это была не обычная детсадовская каша, а воистину королевская трапеза. За едой он молчал, потому что твердо знал – пищу нужно тщательно пережевывать, и тогда не будет никаких болезней пищеварительной системы.

Если бы Кристине год назад рассказали, что она будет сидеть за столом и с благоговейным трепетом смотреть на жующего мужика, она бы рассмеялась в лицо тому, кто это говорит. Всего год назад Кристина была веселой отвязной девчонкой, рисовала вульгарные стрелки на глазах, носила смелое мини, лихо отплясывала в клубах и гоняла на мотоцикле. Она была довольна жизнью в крошечной однушке в Бирюлеве, которую смогли ей устроить предки-инженеры. Кристина не питала к замужеству такой же антипатии, как Вика, но и не переживала по поводу своей семейной неустроенности. И вдруг ее жизнь круто изменилась.

Кристина была медсестрой в оздоровительном центре, работа ее особо не утомляла, в ее обязанности входило измерять клиентам центра давление, рост и вес, в случае чего оказывать первую помощь. Иногда она подрабатывала массажем, благо в свое время окончила курсы. Словом, работа была непыльная, предполагающая наличие достаточного количества свободного времени, которое Кристина обязана была отсиживать в кабинете. От скуки она спасалась просмотром сериалов на телефоне или болтовней с тренерами.

В один из июньских дней в центре было совсем скучно и пусто. Стоял сезон отпусков, в тренажерном зале и бассейне народу было раз, два и обчелся. Тренеры тоже разъехались, кто на отдых, кто в лагеря. Кристина промаялась пару часов в одиночестве и собралась уже в очередной раз выскочить на улицу покурить, как в коридоре раздался шум, странные шлепающие шаги, и дверь в кабинет распахнулась. На пороге возник молодой высокий брюнет в одних плавках и совершенно мокрый. Кристина изумленно смотрела на мощный бронзовый от загара торс и гордый чеканный профиль нежданного гостя. Ей вдруг показалось, что к ней в кабинет спустился олимпийский бог, случайно попавший под грозовую тучу.

– Помогите, – жалобным голосом взмолился античный герой.

Кристина недоуменно уставилась на него и тут только заметила, что одна ступня красавца вся в крови.

– Порезался о плитку, – пояснил олимпиец.

Кристина ожила, засуетилась, усадила парня на кушетку, промыла ногу перекисью, помазала зеленкой и забинтовала. Затем дала ему полотенце и свой халат. Брюнет насухо вытерся, напялил на свои могучие плечи Кристинин халатик, который едва прикрыл ему лопатки.

– Большое вам спасибо. – Он протянул ей огромную квадратную ладонь. – Олег. Олег Сташук. – Он посмотрел на Кристину, как ей показалось, с каким-то странным ожиданием.

– Кристина, – представилась она.

– Вы что… правда не слышали мою фамилию? – Античный бог выглядел разочарованным.

Кристина пожала плечами.

– Нет, не слышала. Хотите кофе?

Олег поморщился и замахал руками.

– Только не кофе. Это очень вредно. Я бы с удовольствием выпил чаю. У вас есть зеленый?

Зеленого чая у Кристины не было, а черный был только в пакетиках, какой-то самый дешевый, отвратительного качества – потому что Кристина практически не пила чай. Но она быстренько взяла ноги в руки, сгоняла к косметологу в конец коридора и одолжила у нее пачку хорошего китайского зеленого чая.

– Вот, пейте, а то замерзли совсем. – Она поставила перед красавцем чашку и вынула из сумки пакет с пирожками.

Олег откусил и восторженно зачмокал языком.

– Кто это испек?

– Я сама, – гордо ответила Кристина.

Это была правда. Несмотря на вольный образ жизни, она с детства любила и умела готовить, а в особенности печь. Это у нее было в бабку, которая славилась своей стряпней среди всех друзей и родни. Олег выпил чаю, съел все пирожки, совершенно высох и согрелся. Кристина смотрела на него и думала, что если он сейчас уйдет, она утопится в бассейне. Она уже знала, что хочет делать в ближайшие пятьдесят лет: печь ему пироги, стирать рубашки, гладить брюки, чистить обувь и петь на ночь колыбельную. А говорят, что не бывает любви с первого взгляда! Еще как бывает.

Олег Сташук оказался только что избранным депутатом от новой партии. Ему прочили большое будущее, и он сам верил в то, что обязательно добьется успеха на политическом поприще. Сын самых обычных работяг, он приехал в Москву из Брянска, закончил строительный институт и еще во время учебы занялся политикой. Это дело у него хорошо пошло, он имел, что называется, харизму: яркую привлекательную внешность, мужественный и даже геройский облик, а также отличался невероятной принципиальностью. Сташук очень быстро завоевал симпатию среди сторонников партии, буквально за год пробился в лидеры, а дальше зашагал вперед семимильными шагами. В 26 он уже баллотировался в депутаты округа и с блеском победил всех конкурентов.

По сути своей Олег был обычный провинциальный парень, он проповедовал такие же простые, здоровые и ясные взгляды, что очень подкупало определенный тип людей, уставших от чрезмерной свободы, вседозволенности, новых непонятных веяний, невозможности найти опору в этом шатком и безумном мире, полном грехов и соблазнов. У Сташука все было предельно просто: надо жить открыто, заботиться о здоровье, растить потомство, противостоять всем известным порокам – и будет вам счастье.

Если бы Кристина была начитанной девушкой, она бы непременно сопоставила принципы Олега с хорошо известными старшему поколению принципами строителей коммунизма. Но Кристина образованностью не страдала, а потому политическую платформу будущего мужа приняла целиком и полностью, без оговорок. Да ей, собственно, плевать было на его политические взгляды. Ей нравились в нем вовсе не они, а его умопомрачительная, на ее взгляд, красота и пышущая здоровьем молодость. Ко всему прочему Олег имел роскошную квартиру в центре, автомобиль с личным водителем и неплохую депутатскую

зарплату.

Кристина была старше Сташука на четыре года. Она имела опыт отношений с мужчинами и знала в них толк. Ей сразу стало ясно, что, несмотря на яркую внешность, Олег не слишком уверен в себе и не обладает особой сексуальностью. В тот день он, конечно, никуда не ушел. Вернее, сходил в гардероб, оделся, а потом вернулся за Кристиной, и они поехали гулять в парк «Зарядье». Олег прихрамывал, Кристина бережно поддерживала его под руку. Он говорил что-то увлеченно, со знанием дела – она делала вид, что внимательно слушает, и кивала головой. А в мозгу у нее стучало: мой, мой. Он будет мой.

Так и вышло. Олег стал ухаживать за Кристиной, с аппетитом поглощал ее пирожки, ел борщи и пельмени домашнего приготовления. И наконец довольно быстро сделал ей предложение. В его положении брак являлся выгодным подспорьем, счастливо женатый депутат вызывал у избирателей еще большее доверие и уважение. Однако Кристине были поставлены жесткие условия: отныне ее внешность должна измениться – никаких коротких юбчонок, кованых ботинок и разноцветных прядей. Умеренный макияж, одежда дорогая и стильная, но неброская и скромная. И строжайший режим: не пить, не курить, ложиться до полуночи, вставать рано. Забыть все тусовки и как зеницу ока беречь репутацию молодой супруги Олега Сташука. Кристина с легкостью приняла все ограничения, ей казалось, если Олег попросит ее пройтись босой по стеклу, она запросто это сделает, а тут не пить и не курить! Подумаешь.

Она очень быстро втянулась в роль супруги, освоилась в просторной и современной квартире, наладила стабильный быт и научилась буквально читать мысли Олега и во всем ему угождать. Он был доволен, а Кристина и вовсе на седьмом небе от счастья. Она – жена депутата! А в будущем, кто знает, возможно, несчастная Машка поневоле правду сказала – жена президента! Она, дочка бедных родителей, невзрачная тощая девчонка, вечная тень своих красивых подруг!

Проводив Олега на работу, Кристина принималась за дела. Их было пруд пруди. Во-первых, нужно было поддерживать идеальную чистоту и порядок в огромной квартире. К ним ежедневно приходила уборщица, но Кристина полностью не могла на нее положиться. Приходилось тщательно следить за тем, как производится уборка, а кое-что и самой доделывать. Покончив с наведением чистоты и блеска, Кристина шла в магазин и закупала продукты для ужина. Олег

обедал на работе, поэтому дома ровно в семь вечера его ждал празднично накрытый стол, обязательно со свечами. Свечи придумала сама Кристина, Олег против них не возражал, но особого восторга не испытывал. А она наслаждалась романтической атмосферой, царившей в доме каждый вечер.

Оставшееся время Кристина посвящала себе и своей внешности, на которую природа не расщедрилась. Деньги Олега открыли ей доступ в лучшие салоны, и очень скоро из пошловатой и разбитной медсестрички Кристина превратилась в элегантную и подтянутую молодую женщину. Это чудесное превращение было сродни перерождению Элизы Дулитл из цветочницы в леди, с той только разницей, что в роли Генри Хиггинса выступала сама Кристина. Именно она являлась и Галатеей и Пигмалионом в одном лице, сделав себя буквально с нуля.

После ужина с бокалом красного сухого вина следовал чудесный совместный вечер, когда Олег отключался от роли политика и целиком посвящал себя любимой жене, а затем и восхитительный секс, в котором он был воистину неутомим. Словом, Кристине было ради чего стараться, держать себя в ежовых рукавицах и отказывать во всех милых шалостях. Иногда, очень редко, она отрывалась в компании подруг, но делала это, внимательно глядя на часы – чтобы успеть привести себя в порядок после гулянки с девчонками.

Сегодняшний ужин Кристина запланировала в итальянском стиле. Она решила побаловать мужа пастой, ризотто и самодельным тирамису. Был полдень, все необходимое для готовки Кристина уже купила и принесла домой. Она быстренько отварила грибы, поджарила мелко нарезанные кусочки свинины, приготовила соус для пасты и занялась тирамису, решив, что спагетти она отварит ближе к ужину. На четыре часа у нее была назначена парикмахерша, однако та еще утром позвонила и сказала, что подхватила грипп и лежит с температурой 39. Таким образом день оказывался совсем свободным, и Кристина решила никуда больше не ходить, а посидеть дома перед телевизором и расслабиться.

Она закончила с тирамису и ризотто, спрятала все в холодильник, чтобы вечером нужно было только разогреть, и включила любимый сериал. Надо сказать, что страсть к сериалам была ее единственной привычкой из прошлой жизни, которая до конца не прошла с замужеством. Олег сериалы не смотрел и пристрастие жены к ним не одобрял, но великодушно закрывал глаза на ее слабость, тем более что Кристина позволяла себе любимый досуг лишь в отсутствие мужа. Сейчас настал как раз такой момент: до прихода Олега была

еще уйма времени, квартира сияла чистотой и свежестью, в посудомойке гремела моющаяся посуда. Кристина сняла фартучек и уселась перед телевизором в кухне.

В это время раздался звонок. Кристина решила, что это принесли цветы – сегодня посыльный еще не приходил. Она открыла дверь. На пороге стоял молодой парень невысокого роста в симпатичном рабочем комбинезоне.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался он. – Я сантехник.

– Мы вас не звали, – Кристина пожала плечами, – это какая-то ошибка.

– Знаю, что не звали, – парень улыбнулся обезоруживающей улыбкой. – Это соседи снизу меня вызвали. Вы их регулярно заливаете в туалете.

– Ерунда, – уверенно возразила Кристина. Сама мысль, что в ее идеальном доме что-то может быть не в порядке, была ей крайне неприятна. – Никого мы не можем заливать. У нас новые трубы и все такое.

– В этом доме у всех новые трубы, – все так же мягко, но настойчиво проговорил сантехник. – Разрешите, я только гляну. Это не займет много времени. Я ничего вам не запачкаю и носками вонять не буду, у меня есть бахилы.

С этими словами он извлек из кармана пару веселеньких зеленых бахил и на глазах у опешившей Кристины нацепил их поверх кроссовок.

– Разрешите, я пройду?

– Ну проходите, – она слегка посторонилась, давая ему дорогу. – Но только быстро. У меня дела.

– Айн момент! – весело пообещал парень и скрылся в туалете.

Кристина слышала, как он мурлычет там какой-то знакомый мотивчик. Голос у парня был приятный и высокий. Она вернулась к своему сериалу, время от времени прислушиваясь к тому, что происходит в клозете. Парень провозился с полчаса и, довольный, заглянул в кухню:

– Все в порядке. Там у вас труба все же треснула, хоть и новая. Так бывает. Я заменил.

– Спасибо. – Кристина на всякий случай заглянула с туалет, там все было первозданно чисто. – Сколько я вам должна?

– Полторы тысячи.

– Всего-то? – удивилась Кристина. По ее мнению, замена трубы стоила больше.

– Нормально, – отозвался парень. – Ваши соседи мне уже заплатили, так что считайте, частично за их счет.

– Ну тогда до свиданья, – сказала Кристина, которой не терпелось досмотреть сериал.

– Слушайте, девушка, – неожиданно произнес сантехник, – а можно вас попросить об одолжении?

Кристина насторожилась:

– О каком еще одолжении? – Она испугалась, что парень сейчас начнет просить взаймы. А вдруг он, упаси бог, вообще не сантехник, а мошенник?

Парень заметил Кристинино волнение и обезоруживающе улыбнулся:

– Не бойтесь, я не проходимец. Мне просто хотелось глоток чаю – с утра горло першит, заболеваю, кажется.

– Грипп, наверное, – предположила Кристина и тут же заволновалась: – А вы меня не заразите?

– Да нет, не грипп. Тонзиллит хронический, с детства. – Парень уже по-хозяйски расположился за столом. Кристине ничего не оставалось, как налить ему чаю. Поколебавшись, она достала еще пару печенек.

– Ой, спасибо, – поблагодарил сантехник. – С самого утра хочется горячего чаю, на улице такая холодрыга. А я с семи утра по заказам, даже перекусить некогда.

Кристине почему-то стало его жалко. Шел уже третий час, парень явно еще не обедал. Предлагать ему еду, предназначенную для Олегова ужина, она, конечно, не собиралась, но хоть пару бутербродов? Молодой человек, словно прочитав ее мысли, весело засмеялся:

– Нет, нет, кормить меня не надо, я хорошо завтракаю по утрам.

– Откуда вы знаете, что я хочу вас кормить? – изумилась Кристина.

– Все женщины так смотрят, когда им кажется, что мужчина проголодался.

– Как смотрят?

– С сочувствием. – Парень протянул Кристине пустую чашку. – Можно еще половину?

– Можно. – Она налила еще чая.

– А вы? – спросил сантехник. – Вы со мной попьете? А то неловко одному.

Кристина уже минут десять мечтала сварить себе кофе. Она кивнула и запустила кофемашину. Через пару минут они мило беседовали, попивая каждый свое. Кристина все-таки сделала бутерброды, ей стало неожиданно весело и очень легко на душе. Еще через десять минут она почувствовала, что сильно хочет спать. Она сладко зевнула и облокотилась о столешницу.

– Ну я пойду, пожалуй, – парень поднялся, – а то вы устали.

– Да, что-то спать хочется, – пробормотала Кристина, – это раннее вставание… – она не смогла закончить фразу. Последнее, что она запомнила, это как парень в коридоре снимает бахилы…

…Когда Кристина пришла в себя, стрелки на больших кухонных часах показывали половину шестого. Она по-прежнему сидела за столом, перед ней

стояла чашка недопитого капучино. Больше на столе ничего не было. Кристина мутным взглядом оглядела кухню: никого. Она похолодела. Значит, все-таки парень оказался мошенником! На нетвердых ногах Кристина выбежала в коридор, дернула входную дверь. Та оказалась заперта. Спотыкаясь и преодолевая головокружение, она кинулась в гостиную, мельком оглядела комнату – вроде все было на месте. Кристина обшарила ящики комода, и, не обнаружив пропажи, дернула дверцу сейфа. Та не поддалась. Кристина упала на диван и вытерла со лба холодный пот.

Странно. Ощущение такое, что никакого сантехника и в помине не было, а он ей привиделся. Она еще около часа бродила по квартире из спальни в гостиную, а оттуда в кабинет мужа и на кухню, пытаясь найти следы пропажи ценных вещей. Но так ничего и не обнаружила. На всякий случай она проглядела запись видеокамеры с домофона – никакого парня на записи не было. Кристина готова была поверить в нечистую силу или в то, что слишком утомилась и заснула за фильмом, а сантехник ей приснился.

Так или иначе, она была подавлена случившимся. Самочувствие ее тоже было не фонтан, во всем теле ощущалась вялость, глаза слипались. Однако ее не тошнило, голова не болела, желудок тоже, что отметало предположение, будто мошенник что-то подсыпал ей в кофе. Да и как он мог сделать это, если кофе варила машина, а он все время был у Кристины на виду? Постепенно она пришла в себя и немного успокоилась, решив завтра сходить к своему терапевту и выписать какие-нибудь витамины или биодобавки от усталости.

Она выпила еще кофе, плеснув туда коньяка, покурила на лестнице, тщательно зажевав сигарету мятной жвачкой, и принялась готовиться к ужину. Когда вернулся Олег, его ждал грандиозный стол: восхитительное ризотто, дымящаяся паста, распространяющая невероятный аромат, и разложенный по креманкам наподобие мороженого тирамису. Цветы – их все-таки принесли к самому ужину – торжественно стояли в прозрачной вазе. Олег оглядел стол восторженным взглядом, облизнулся и скрылся в ванной. Придя домой, он первым делом принимал душ, как бы смывая с себя усталость и хлопоты рабочего дня.

Они ели пасту, ризотто, пили вино, потом чай с тирамису. Олег был на редкость весел, шутил, смеялся и все нахваливал Кристинины кулинарные возможности. Ей было ужасно приятно. Она смотрела на него влюбленными глазами и предвкушала бурную ночь, полную наслаждений.

Наконец настало одиннадцать. Кристина быстро собрала посуду, запустила посудомойку, сложила скатерть, предварительно стряхнув с нее крошки. Олег сидел, развалившись в кресле, вид у него был довольный и уютный.

– Кристя, – окликнул он негромко хлопочущую жену.

– Что, милый? – Она аккуратно задвинула ящик комода.

– Скажи, как ты смотришь на то… на то, чтобы подумать о малыше?

Кристина на мгновение замерла, потом ахнула и бросилась Олегу на шею. Как он узнал, что она мечтает об этом уже несколько недель. Родить от Олежки! Стать ему не только женой, любимой женщиной, но и матерью его ребенка! Привязать его к себе еще крепче, чем пирожками, уютом и изощренным сексом! Она целовала его губы, щеки, волосы, с упоением вдыхая родной запах туалетной воды.

– Может, прямо сегодня и начнем? – шепнул Олег ей на ухо.

Она согласно наклонила голову.

– Я сейчас.

Кристина спрыгнула с Олеговых колен и проскользнула в ванную. Нежась под струями теплой воды и взбивая на теле вкусную, похожую на сливки, пену, она думала, что совершенно счастлива. У них обязательно получится маленький, и лучше, конечно, мальчик, – честолюбивому Олегу будет приятно получить первым наследника. А уж потом можно и девочку заделать.

Кристина смыла пену, выключила воду и закуталась в огромное и мохнатое розовое полотенце. В этот самый момент ей показалось, что она слышит голос Олега, что-то громко кричащий ей из-за двери. Кристина победоносно улыбнулась своему отражению в зеркале – вон как распалился, не терпится ему. Она на цыпочках босиком вышла из ванны, придерживая полотенце на груди, и игриво промурлыкала:

– Иду, котик! Уже иду.

В ответ ей раздался отборный трехэтажный мат. Кристина поскользнулась на глянцевой плитке, больно ударилась коленом, жалобно чертыхнулась и, прихрамывая, неловко проковыляла в спальню. Олег в одних трусах стоял возле кровати и держал в руках свой новенький айфон последней модели.

– Я спрашиваю, что это??? – Он снова прибавил грязное ругательство.

Кристина не верила своим ушам – она никогда не слышала, чтобы Олег так ругался. Она даже представить себе не могла, что он знает такие слова. Но, видимо, она вообще мало знала о парне из рабочего района маленького провинциального городка. Кристина почувствовала, как в груди что-то болезненно защемило, мешая дышать.

– Что случилось? – с трудом шевеля губами, проговорила она.

– Что случилось? – взревел Олег и вновь прибавил нецензурную брань, от которой видавшая виды Кристина вздрогнула всем телом. – Подойди! Иди сюда, тебе говорят.

Она робко приблизилась, и он сунул ей под нос телефон. Кристина взглянула, и у нее потемнело в глазах. Полотенце скользнуло на пол, она инстинктивно прикрыла одной рукой грудь, а другой низ живота, будто перед ней был не муж, а чужой мужчина. В следующее мгновение пол под ее ногами наклонился, потолок надвинулся на голову, и Кристина потеряла сознание.

5

Вике снился восхитительный сон – в нем она была бабочкой, прекрасной и легкой, и могла летать с цветка на цветок. Она махала ажурными крылышками и с наслаждением вдыхала запах цветочной пыльцы. Над головой у Вики голубело чистейшее небо без единого облачка. Она увидела вдалеке большой красивый колокольчик, лиловый, с крупными тычинками, и полетела к нему в надежде собрать новую пыльцу. Но едва она села на цветок, как откуда-то сверху на нее спустился здоровенный серый паук. Он зловеще шевелил мохнатыми лапами и скалил острые зубы. Вика вскрикнула от ужаса и проснулась.

В комнате было совсем светло, из чего она заключила, что времени не меньше девяти. Несмотря на это, Вика чувствовала себя разбитой и невыспавшейся. Она немного повалялась в постели, потом встала, босиком прошлепала на кухню, сварила себе кофе и принялась строить планы на день. Вчера, засыпая, Вика нарисовала себе в мыслях поход по магазинам. Однако сейчас ей было лень и неохота тащиться в центр, бродить по бутикам и мерить шмотки. Она решила, что лучше сходит на массаж. Но сначала еще немного понежится в кровати.

Вика взяла со стола недопитый кофе и отправилась в спальню. Едва она уютно устроилась под одеялом с планшетом, как зазвонил телефон. Это была Кристина.

– А вот и ты, – весело сказала Вика в трубку. – Пойдешь со мной на массаж? Потом можно посидеть где-нибудь.

В ответ трубка разразилась неистовыми рыданиями. Вика долго не могла взять в толк, что стряслось, – Кристина давилась слезами, заикалась и бормотала нечто неразборчивое. Наконец Вике удалось хоть что-то понять. Выходило, что муж выгнал Кристину из дому и грозил немедленно подать на развод.

– Да что произошло? – недоумевала Вика. – У вас же все как в рекламе? Счастливая семья, любовь-морковь, и все такое…

Кристина, всхлипывая и сморкаясь, поведала историю с сантехником. Дойдя до эпизода своего выхода из ванны, она снова отчаянно разрыдалась.

– Представляешь, захожу в спальню, а там Олег. С телефоном. Ругается, орет, сует мне под нос экран. И… – Кристина зашлась в истерике.

Вика терпеливо дождалась, пока крики и стоны на том конце связи станут потише, и участливо спросила:

– Ну, что там?

– Там я-я, – стуча зубами, пролепетала Кристина. – И этот… сан-сантехник…

Оказалось, на почту Олега пришла целая фотосессия постельного содержания: обнаженная и прекрасная жена и не менее обнаженный молодой мужчина, сжимающий ее в своих объятиях. Лица героя-любовника было не видно, зато хорошо был виден голый зад с маленькой татуировкой в виде змейки. Олег впал в неописуемую ярость.

– Ты шлюха, – орал он на Кристину, – ты рубишь под корень мою карьеру! Завтра эти снимки сольют в интернет, и все узнают, что жена Олега Сташука обычная потаскуха! Я немедленно развожусь! Немедленно, слышишь! Собирай свои манатки и вали отсюда в свое Бирюлево! Господи, а я еще детей от нее хотел…

От его криков и от увиденного Кристина лишилась чувств, а когда очнулась, Олег паковал чемодан. Он был спокоен и непоколебим.

– Вот твои вещи, сейчас вызову тебе такси и уезжай. Мы не можем быть вместе ни одной минуты.

Кристина с плачем упала мужу в ноги, умоляя сжалиться и не прогонять ее. Она пыталась рассказать ему, что произошло на самом деле, клялась, что это подстава, но Олег не желал ничего слушать. В самом деле – никаких доказательств присутствия в квартире дьявольского водопроводчика у нее не было.

Остаток ночи прошел в скандалах, слезах и безуспешных мольбах, и под утро Олег все же вызвал такси, запихнул туда Кристину с чемоданом и отправил в Бирюлево.

– Слушай, Кристя. – Вика была ошеломлена рассказом подруги. – Ты уж так не убивайся. Одумается твой Олег, еще сам прибежит.

– Не прибежи-ит, – вновь зарыдала Кристина. – Ты его не знаешь. Как он решил, так и будет. А я… я умру без него…

– Глупости, – рассердилась Вика. – Умрет она! Еще чего! Мало тебе Машки? Успокойся, выпей чаю и ложись спать. Ты же всю ночь не спала. Проснешься, все будет по-другому. И Олег приедет за тобой.

– Ты… ты можешь съездить к нему?

– Зачем?

– Поговорить. Скажи, что я подыхаю здесь. Что я ни в чем не виновата…

Честно говоря, Вика не была до конца уверена в Кристининой невиновности. Она хорошо знала подругу со времен юности, знала, какой образ жизни та вела до свадьбы. Вика вполне допускала мысль, что сытая, но обыденная и чересчур правильная жизнь с мужем могла наскучить Кристине. И та попыталась слегка приправить ее остротой мимолетного романа. Но так или иначе, Кристю было жаль, и Вика хоть и без особого удовольствия, согласилась.

– Конечно, съезжу, – успокоила она Кристину. – Прямо сейчас. Только в порядок себя приведу. А ты ложись и поспи.

Вика отложила телефон и сладко потянулась. Взяла со столика остывший кофе, сделала пару глотков и нехотя поднялась с постели. Делать нечего, придется вызволять подругу, одна она у нее осталась.

Вика не торопясь сходила в душ, оделась, слегка подкрасила губки и глазки и вышла на улицу. Она слабо представляла себе, что будет говорить ревнивому Кристининому мужу. Проще было бы позвонить ему, но Вика понимала, что в том настроении, в котором сейчас находился ярый блюститель нравственности, разговаривать по телефону он с ней не станет. А потому ничего не оставалось, как ехать в центр, на «Китай-город», где находился офис партии Сташука.

Погода была неплохая, и Вика решила прогуляться до метро пешком. Она шла ровным, размеренным шагом, ощущая удовольствие от ходьбы, легкого ветерка, от взглядов встречных мужчин, которые с интересом и восхищением смотрели на ее стройную, подтянутую фигурку, выточенную регулярными занятиями в спортзале. Вика уже собиралась зайти в стеклянные двери, как снова позвонила Кристина.

– Да иду ж я, иду, – недовольно проговорила Вика.

– Погоди, – убитым тоном произнесла Кристина.

– Что еще?

– Не надо, не ходи.

– Ты издеваешься? – возмутилась Вика. – Как не ходи? Я уже у метро. Через двадцать минут увижу твоего благоверного и все ему объясню.

– Не надо, – повторяла Кристина как заведенная.

– Послушай. – Вика слегка посторонилась, давая дорогу людскому потоку, и принялась терпеливо увещевать подругу: – Не дури. Слышишь, Кристя? Я понимаю, ты расстроена, даже больше, ты в отчаянии. Но Олега твоего тоже можно понять. Я постараюсь его уговорить. Слышишь, не плачь, Кристя, пожалуйста…

В трубке слышались тихие сдавленные рыдания. Потом Кристина шепотом сказала:

– Я боюсь, что он не послушает тебя… может быть, не сегодня? Завтра или послезавтра…

– Это верно, – согласилась Вика. Она и сама думала о том, что Олегу необходимо слегка остыть. Так сразу на попятную он не пойдет.

– Девушка, вы или заходите или отойдите в сторону и не мешайте, – сделала ей замечание толстая тетка в длинной до пят дубленке. Вика смерила ее пренебрежительным взглядом, но все же отошла от дверей окончательно, чтобы ее не затолкали такие вот слонообразные гражданки. Кристина в трубке продолжала горько всхлипывать и сморкаться.

– Послушай, я сейчас к тебе приеду, – сказала ей Вика.

– П-приезжай, – выдавила Кристина. – Поскорей. Мне очень плохо-о… – Она опять зарыдала в голос.

Вика с трудом заставила себя отключиться. Тащиться в Бирюлево на метро не было никакого смысла, и она вызвала такси. Приехал «Фольксваген»

с симпатичным водителем. Парень включил музыку и дал по газам.

Они ехали с ветерком, водитель, представившийся Денисом, то и дело косил на Вику озорные глаза и пытался завязать беседу. Она слушала его вполуха и рассеянно глядела в окно. Парень вполне приятный, можно с ним познакомиться, сходить куда-нибудь вечером. Только, боже упаси, не в театр…

Они довольно быстро добрались до Бирюлева, несмотря на пробки. К концу поездки Денис окончательно осмелел и, почувствовав Викину благосклонность, предложил:

– Айда вечером со мной. Знаю отличное место, будет весело, не пожалеешь!

Вика сделала вид, что колеблется, но это был лишь вид – для себя она уже решила, что вечер проведет в компании симпатичного таксиста. В конце концов, ей нужно развеяться, а Ярик с его заумными премьерами и доставучим ухаживанием для этой цели совсем не подходит.

Они обменялись телефонами, парень обещал заехать за Викой в Бирюлево около пяти и умчался по заказам.

Вика зашла в подъезд, поднялась на этаж и остановилась перед Кристининой квартирой, стараясь натянуть на лицо безмятежную улыбку. Как только ей это удалось, она надавила на звонок.

Кристина не открывала так долго, что Вика начала опасаться, не умотала ли она к Олегу молить того о прощении. Наконец послышались шаркающие шаги, и дверь распахнулась.

Кристина стояла на пороге, совершенно неузнаваемая, бледная, с опухшими глазами и встрепанными волосами, которые так и не уложила после душа.

– Наконец-то… – произнесла она охрипшим бесцветным голосом. Губы ее задрожали, по щеками заструились слезы.

Вика зашла в тесную прихожую. Ремонта в квартире не было, вокруг все было допотопным, унылым, вдобавок ко всему лампочка в коридорной люстре светила

слишком тускло и моргала, довершая последний штрих к безрадостной и тоскливой обстановке.

– Ты ела что-нибудь? – Вика ласково погладила Кристину по голове.

– Нет. Мне кусок в горло не идет.

– Слушай, так нельзя.

Вика быстро разделась и прошла на кухню. Открыла холодильник – там царила первозданная пустота. Ну конечно, здесь же никто не живет уже полгода.

– Вот что, – бодро проговорила Вика, – сейчас мы тебя приведем в порядок, уложим отдыхать, и я быстренько сгоняю в магазин. Куплю всяких вкусняшек, будем чай пить.

Вика понимала, что по-хорошему надо было бы приготовить нормальный обед, но готовить она терпеть не могла.

«Сойдет и чай с каким-нибудь печеньем или пирожным», – решила она и потащила Кристину в ванную. Та не сопротивлялась, безвольно поникнув у нее в руках.

Вика умыла Кристину холодной водой, расчесала ей волосы, отвела в комнату и уложила на диван, заботливо укрыв теплым шерстяным пледом.

– Постарайся уснуть. Я сейчас. До магазина и обратно.

Кристина больше не плакала, лишь смотрела перед собой стеклянным взглядом и молчала. Вика почувствовала, что ей становится жутковато. Однако она продолжала вести себя нарочито бодро, изображая веселье и уверенность.

– Жди, скоро буду.

Вика оделась, на всякий случай взяла с полочки ключи от квартиры, быстро спустилась вниз и почти бегом добежала до магазина. Там она сгребла в корзинку первое попавшееся на глаза – хлеб, сыр, пряники, шоколадку, связку

бананов – и так же стремительно вернулась в дом.

Кристина лежала в той же позе, в какой Вика ее оставила.

– Сейчас будем кушать, – пообещала ей Вика.

Через десять минут у дивана на столике стояли чашки, лежали бутерброды, пряники и нарезанные дольками бананы.

– Ешь, пожалуйста, – Вика поднесла к Кристининым губам кусочек шоколадки. Та даже ухом не повела, не шевельнулась. – Послушай, Кристя, надо что-нибудь съесть. А то…

– Как ты думаешь, он простит меня? – вдруг перебила ее Кристина и резко села на диване.

– Конечно, простит! – обрадовалась Вика. – Вот молодец, вот умница! Кушай давай.

Кристина покорно откусила шоколадку и стала жевать. Вика пододвинула к ней чашку с чаем.

– Я ума не приложу, как это могло случиться, – тихо сказала Кристина. – Кто мог это сделать? За что? И как ему это удалось? Я… я ничего не помню. – Она в отчаянии посмотрела на Вику.

– Может, у Олега кто-то есть? – предположила та.

– В смысле? – не поняла Кристина.

– В прямом смысле. Любовница. Решила его отбить у тебя. Вот все и подстроила.

Кристина решительно замотала головой.

– Нет. У Олега нет никакой любовницы и быть не может.

– Напрасно ты так уверена. – Вика скептически улыбнулась. – Красивый мужик. Богатый. Карьера на взлете. У таких всегда любовницы.

– Ты не понимаешь. – Кристина вздохнула так тяжко и горестно, что у Вики невольно сердце защемило от жалости. – Олежка – он не такой, как другие. Не такой, как все. Он… он идеальный.

– Ага, идеальный. Матом тебя покрыл, из дому выгнал. Обыкновенный собственник и карьерист.

– Не смей! – Глаза Кристины сверкнули недобрым блеском. – Не говори о нем ничего плохого! Я не хочу слышать. Я сама… сама во всем виновата!

– Ну не хочешь, и не надо, – поспешно согласилась Вика. – Главное, ты поела, успокоилась. Вечером он, может, сам позвонит. А не позвонит, я ему завтра или послезавтра позвоню. Вот увидишь, все наладится.

Самобичевание Кристины навело Вику на мысль о том, что подруга что-то недоговаривает, и видимо, все-таки интрижка имела место. Как бы в подтверждение этого Кристина надолго замолчала, уйдя в себя. Однако лицо ее разгладилось и порозовело.

Вика еще немного посидела с ней рядом, затем включила телевизор. Они посмотрели какой-то фильм, снова попили чаю. В половине пятого Вике написал Денис.

«Скоро буду. Собирайся».

Она испытующе посмотрела на Кристину.

– Ну, ты как?

Та пожала плечами.

– Нормально.

– Вот и отлично. Ничего, если я сегодня с тобой не останусь?

– Конечно.

Кристина выглядела гораздо лучше, чем утром, окончательно перестала плакать и даже слегка подкрасила глаза и припудрила нос, видимо, на тот случай, если Олег вдруг смилостивится и приедет.

Все-таки Вике было жалко оставлять ее одну в пустой квартире.

– Послушай, – сказала она не очень уверенно, – хочешь, я никуда не пойду? Буду здесь до утра?

– Да нет, зачем, – голос Кристины наконец обрел нормальную звучность, – я в порядке. Завтра приезжай.

– Обязательно! – Вика обняла ее, поцеловала в щеку и пошла собираться. – Кристя, ключи я обратно положила, на место. Ты встань, закрой за мной.

– Хорошо, – отозвалась из комнаты Кристина, – закрою.

6

Едва Вика вышла из подъезда, она увидела въезжающее во двор такси. Денис сидел сзади и весело махал ей из окна.

– Видишь, теперь и я пассажир! Ну что, поехали?

– Поехали.

Вика уселась рядом с ним. Машина понеслась по улицам.

– Что такая унылая, детка? – Парень нагнулся и чмокнул Вику в висок.

– Да так. С подругой сидела. Ее муж бросил.

– Подумаешь, – хмыкнул Денис. – Сто раз еще вернется. У меня так предки, то сходятся, то расходятся. Задолбали. – Он весело заржал и снова поцеловал Вику, на сей раз метя в губы.

Ей вдруг стало неприятно.

– Отстань, – холодно проговорила она.

– Прости, не хотел тебя обидеть. Просто ты мне очень нравишься. – Денис с виноватым видом отодвинулся в сторону.

Вика подумала, что она зря сердится – сама же дала понять парню, что все у них будет. Да он ей и нравился еще сегодня утром. Она любила подобные приключения, они ее никогда не разочаровывали, заставляя чувствовать драйв, остроту и полноту жизни. Но сейчас Вике захотелось одного – вылезти из машины, остаться одной, закрыться в спальне, в тишине и ни с кем не общаться. Ну что за бред! Ей просто необходимо отвлечься от всех событий, свалившихся на голову за последние недели. Парень – то, что нужно для такого случая.

Она усилием воли стряхнула с себя унылое оцепенение. Открыла окно, закурила. Денис тоже закурил. Они весело болтали, смеялись.

Он привез ее в небольшой погребок, где сегодня вечером играла его знакомая рок-группа. В подвальчике было сизо от дыма, душновато и людно. Они взяли по коктейлю, устроились за дальним столиком, Денис обнял Вику и посадил к себе на колени. На подиуме уже рассаживались музыканты, трое бритых крепких парней в татуировках и пирсинге и худая девчонка с дредами.

Грянула музыка. Под ее грохот Вика и Денис пили коктейли и целовались. В голове у Вики был приятный туман, вездесущие пальцы Дениса настойчиво лезли к ней в вырез блузки. В какой-то момент она вспомнила про Кристину.

– Надо позвонить!

– Звони, – разрешил Денис.

Вика, покачиваясь, вышла на лестницу. Набрала номер.

– Кристя, это я. Как ты?

– Ничего. Более или менее.

– Умница! Олег не звонил?

– Звонил.

– Ух ты! Что сказал?

– Сказал, что подал на развод.

Воцарилась пауза. Вика невольно прислушалась, но Кристина не плакала.

«Правильно, – решила Вика, – сколько можно. Сумасшедший этот ее Олег, неужели нельзя было потерпеть с заявлением? Завтра небось побежит и заберет его назад. Денис прав – у таких всегда семь пятниц на неделе».

– Не бери в голову, – утешила она Кристину. – Ложись спать. Я завтра утром к тебе приеду.

– Приезжай, – эхом отозвалась Кристина.

Вика еще раз прислушалась к ее голосу, уловила в нем спокойствие и отключилась. Позади кто-то многозначительно кашлянул. Она обернулась и увидела Дениса. Волосы его от жары взмокли и торчали смешным ежиком.

– Все в порядке? – Он обнял ее за талию.

– Да, все окей.

– Поехали отсюда, детка? У друга хата есть совсем рядом. Он мне ключи даст. Сейчас заедем, возьмем, и можем всю ночь там быть.

– Супер. – Вика растянула губы в улыбке, чувствуя, как внутри все-таки шевелится червячок тревоги. – Супер, – повторила она решительней и взяла Дениса под руку.

Они снова вызвали такси и поехали по темным улицам. Потом машина остановилась возле какого-то дома, Денис вышел и вскоре вернулся, весело позвякивая ключами.

Вику начало клонить в сон. Они снова тронулись, огни за окнами слились в длинную желто-оранжевую цепочку.

– Скоро, детка, скоро, – шептал на ухо Вике Денис. – Ты такая красивая, детка. Я самый счастливый!

В сумочке у Вики вдруг ожил и заверещал телефон. Она долго рылась, отыскивая его, наконец нажала на прием.

– Слушаю.

– Это Виктория? – Незнакомый и далекий женский голос был окрашен в усталые тона.

– Да. А кто это?

– Вы знаете Кристину Сташук? – вместо ответа спросила женщина.

– Конечно, знаю. Это моя подруга. А что собственно… – Вика не договорила. Ей вдруг показалось, что невидимая железная рука больно сдавила грудь.

– Ваша подруга только что предприняла попытку суицида.

– Как? – выдохнула Вика и дернулась из объятий Дениса.

– Так. Ее вынули из петли. К счастью, входная дверь была открыта, соседка возвращалась домой и заметила. Думала, воры залезли – она сказала, там давно никто не жил…

– Господи, Кристя! Что ты наделала! – Вика обхватила руками голову и стала раскачиваться из стороны в сторону.

Денис испуганно смотрел на нее.

– Что случилось?

– Да погоди ты! – Она оттолкнула его и пробормотала в трубку: – Что… что с ней?

– Она без сознания. Мы везем ее в Склиф. Можете подъехать. Позже, не сейчас, сейчас вас все равно не пустят. Завтра или через пару дней. Вы были последней в списке ее вызовов.

– Да… – прошептала Вика. – Значит, она так и не закрыла дверь…

В трубке послышались гудки.

– Остановите! – крикнула Вика таксисту и не узнала своего голоса.

Тот послушно затормозил.

– Да что стряслось? – удивленно проговорил Денис.

– Подруга… повесилась… – Вика бросила на него затравленный взгляд и дернула дверцу.

7

– И раз, и два, и три… Галя, головку подними! – Ярик подошел к девушке, стоящей с краю у станка, и, взяв за подбородок, слегка приподнял ее лицо. – Вот так. А то смотришь в пол, будто десять рублей потеряла.

Девочка робко улыбнулась и бросила на Лисовского взгляд, полный обожания. Шейка ее вытянулась, красивая, гладко причесанная головка с пучком на

макушке горделиво поднялась.

– Вот, так-то лучше. – Он удовлетворенно кивнул и тут же стал выговаривать другой гимнастке: – Алла, ну а ты что? Халтуришь? Носок собираешься тянуть или как? Что это за нога? Кочерга какая-то. Слушаем пианистку. – Ярик продирижировал в такт музыке: – И раз, и два, и три…

Он отошел от станка и присел на стул в углу. Девчонки прилежно тянули ножки, старательно улыбались. Пожилая концертмейстерша Анна Дмитриевна играла вальс Шопена, резво порхая по клавишам худыми, нервными пальцами. В просторном зале было уютно, светло, в огромных зеркалах отражались юные балерины, пианистка и сам Ярик, одетый в элегантный спортивный костюм, великолепно сидевший на его стройной фигуре. Он поглядел на свое отражение и улыбнулся. У него с утра было приподнятое настроение.

Как классно все складывается в его в жизни: внешностью и талантом бог не обидел, денег в достатке, бизнес процветает, от желающих учиться нет отбоя. Из всей школьной компании он оказался самым везучим и удачливым. А чему удивляться – Ярик с детства пахал как подорванный, молча терпя насмешки бездельника Влада, мол, только дураки вкалывают по восемь часов в день, а умные люди пиво пьют и, не отходя от бара, делами ворочают.

Ну и где теперь этот деловой мэн? За решеткой. Допился пива, доигрался в свои опасные игры. И Машка доигралась вместе с ним. Лисовский не был столь коварным, чтобы злорадствовать по поводу несчастья, приключившегося с друзьями, – ему было искренне жаль и Куличенко, и Машку. Более того, он готов был пожертвовать на выручку друга кругленькую сумму, если бы она помогла. Но об этом речь пока не шла – следователь доходчиво объяснил Ярику, что Владу отмазаться не удастся и срок он получит ого-го какой…

Однако друзья друзьями, а жизнь-то продолжается. И у него самого все зашибись как здорово… Вот только Вика! Как же заполучить эту капризную кошечку, привыкшую гулять сама по себе? Лисовский хорошо отдавал себе отчет в том, что для полного счастья и удовлетворения ему не хватает лишь Вики в качестве законной супруги. Он прямо видел себя с ней у алтаря – обязательно у алтаря, во время настоящего церковного венчания, в полумраке храма при мерцании свечей, дающих обет хранить друг другу верность до гроба. А вокруг – восхищенные лица гостей.

В последнюю их встречу, три дня назад, у него вышел облом, но Ярик не унывал. Он все равно добьется своего. Окружит ее такой заботой, какая ей не снилась. Осыплет золотом и бриллиантами, увезет за моря и океаны. Средств на это у него хватит – его бизнес только-только набрал обороты, а что-то будет дальше! И сам он еще в отличной форме, может побороться за престижные награды. Нет, Вика точно будет принадлежать ему, даже сомневаться не стоит…

Ярик похлопал в ладоши.

– Хорошо. На сегодня достаточно. Завтра не опаздываем. Всем спасибо. Ариведерчи! – «Ариведерчи» было излюбленным словечком Лисовского.

Девчонки, шепчась и пересмеиваясь, тонкой струйкой потекли в раздевалку. Концертмейстер тоже встала и потянулась, разминая затекшую спину.

– Благодарю вас, – кивнул ей Ярик.

– Не за что, Ярослав Михайлович. Мне завтра быть?

– Нет, завтра можете отдыхать. Мы сами. Всего доброго.

Лисовский дождался, пока зал полностью опустеет, потом включил магнитофон и сделал несколько па, с удовольствием чувствуя, как безоговорочно подчиняется ему гибкое, натренированное тело. Однако тренироваться всерьез ему сегодня не хотелось.

Он переоделся, вышел из зала, спустился вниз, сел в машину и набрал Вику. Та не отвечала. Он повторил вызов еще пару раз. Тот же результат.

– Ладно, – сам себе сказал Лисовский и поехал обедать в свой любимый ресторан.

Оттуда он снова позвонил Вике, написал ей сообщение, вновь позвонил. Ни ответа, ни привета.

– Да что за черт.

Ему почему-то стало тревожно. Он расплатился с официантом, вышел на улицу и, отыскав в справочнике номер Кристины, нажал на вызов. На этот раз трубку взяли сразу же.

– Да, – произнес хриплый и убитый незнакомый голос.

Ярик с удивлением надавил на отбой и проверил набранный номер. Никакой ошибки, все верно. Странно. Он снова позвонил.

– Слушаю, – повторил все тот же голос. Ярослав не мог разобрать, кому он принадлежит, женщине или мужчине.

– Мне бы Кристину, – неуверенно проговорил он.

Трубка всхлипнула.

– Она не может говорить.

– Что случилось? Вы кто? – Тревога Ярика усилилась.

– А ты не узнаешь? Мама я ее. Ты ведь Ярослав, ее одноклассник?

– Да. Одноклассник. Так что с ней такое?

– В больнице Кристиночка, – совладавши с собой, тихо, но без слез, проговорила женщина. – Она… хотела руки на себя наложить. Не вышло, слава богу.

– Господи, что такое вы говорите? – Лисовский замер посреди тротуара, едва не выронив из рук ключи от машины.

– Вот так, – устало ответила трубка.

Он хотел было спросить, по какой причине Кристина, бывшая такой счастливой и довольней жизнью, вдруг решилась на отчаянный поступок. Но почему-то не смог. Слова не шли с языка.

«Потом, – подумал он. – Заеду в больницу, навещу. Все разузнаю».

– Где она лежит? – спросил он мать.

– В Склифосовского. К ней пока нельзя, только родным.

– Хорошо, я попозже приеду. Если что-то будет нужно – звоните. Деньги, продукты…

– Спасибо, – безжизненным голосом поблагодарила женщина и отключилась.

Ярик тут же вновь принялся звонить Вике, но она упорно не желала подходить. В это время раздался встречный вызов.

– Ярослав, это из сервиса. Вы хотели машину пригнать.

– Да, черт, совсем вылетело из головы.

Ярик нервно хлопнул себя по лбу. Он действительно договорился на сегодня с механиком, что тот профилактически осмотрит «Хонду». Ярик над машиной трясся, относился к ней с нежностью, раз в месяц обязательно гонял на сервисное обслуживание. «Может, завтра?» – мелькнуло у него в голове.

Настроение, бывшее с утра таким чудесным, сейчас сильно подпортилось. Ярик почувствовал себя уставшим и вымотанным. Еще бы, с семи утра на ногах. Да еще это известие о Кристине. И Вика куда-то запропастилась…

– А завтра никак нельзя? – спросил он у парня.

– Завтра не могу. Жена в командировку едет, мне с ребенком сидеть.

– Скверно. – Лисовский недовольно нахмурился, секунду подумал и махнул рукой. – Ладно, еду. Сейчас буду.

Он нажал на брелок и залез в салон. Через двадцать минут он был на сервисе. Взяв в автомате двойной эспрессо, Ярик наблюдал, как механик колдует над

автомобилем. Параллельно он не переставал набирать Вику.

– Готово, – сказал парень и подошел к Лисовскому.

– Спасибо. – Тот протянул ему деньги. – Все в порядке?

– Да, все нормально. Я еще масла вам залил. Вы молодец, следите за машиной, не то что некоторые. – Механик вдруг широко зевнул и смущенно прикрыл рот рукой. – Спать охота, – объяснил он неловко.

– Мне тоже спать охота, – засмеялся Ярик, – немудрено, погода-то какая.

На улице действительно было пасмурно и шел мокрый снег напополам с дождем.

– Да, погодка та еще, – согласился механик. – Ну удачи вам.

– Спасибо.

Ярик сел за руль и выехал из ангара. Он твердо решил поехать к Вике домой. Пальцы его покрутили колесико магнитолы, нашли любимую новостную волну. Музыку Ярик за рулем слушать не любил, а вот всякие информационные выпуски очень уважал. Машина легко и плавно скользила по шоссе, Ярик с удовлетворением отметил, что недавно обутая зимняя резина делает автомобиль великолепно устойчивым на дороге. Правильно он сделал, что не пожалел денег на самую дорогую.

Он глянул в навигатор – до Викиного дома оставалось не больше пятнадцати минут. Ярик удовлетворенно кивнул, достал из бардачка мятный леденец и бросил его в рот.

8

Пожилой бородатый врач смотрел на Вику усталыми воспаленными глазами.

– Девушка, ну сколько раз повторять. Нельзя к вашей подруге. Нельзя. Она только-только из реанимации.

– Позавчера нельзя, вчера нельзя. – Вика с отчаянием глянула на доктора. – Я третий день прихожу и все не могу к ней попасть. Что же мне делать?

– Послушайте. – Тон бородатого слегка смягчился. – Зачем вам это? Уверяю вас, ей сейчас не до визитов. Честное слово.

– Что ж она там лежит одна-одинешенька? – не сдавалась Вика. – Это же жестоко – оставлять человека без поддержки близких.

– Отчего же без поддержки? С ней родители. Дежурят днем и ночью.

– Почему им можно, а мне нет?

– О господи, ну как вам объяснить? – Врач поморгал красными глазами. – У Кристины Сташук серьезные проблемы с психикой и…

– Ну еще бы, – нетерпеливо перебила Вика. – После такого у кого их не будет…

– Вы не поняли меня. – Бородатый вдруг взглянул на Вику в упор, отчего у той поползли мурашки по спине. – У вашей подруги тяжелое психическое расстройство. Оно… оно может быть неизлечимо.

– Как неизлечимо? – Вика испуганно смотрела на врача.

– Так. Завтра мы переводим ее в психиатрию, там за ней будут наблюдать. И постараются помочь.

– Не может быть, – запинаясь, проговорила Вика. – Как же так? Почему?

– Девушка, вы серьезно полагаете, что здоровый человек добровольно полезет в петлю? – Бородатый доктор смотрел на Вику со снисходительным сочувствием.

– Это я во всем виновата! – в отчаянии прошептала та.

– Вы? Вы-то тут при чем?

– Я должна была догадаться. Она… она слишком спокойно говорила по телефону. И плакать перестала… – Вика потерянно замолчала и опустила голову.

– Э, милая, не говорите глупости. – Рука врача легла ей на плечо. – Если бы все могли предугадать, когда людям в голову взбредет свести счеты с жизнью! Тогда бы самоубийств на свете было бы в два раза меньше. – Он задумчиво потеребил бородку. – Вот что. Мать только что вышла в магазин. Скоро вернется. Идите, посидите с вашей подругой. Чуть-чуть. Но не пугайтесь, если она будет вести себя непривычно. Если что, в коридоре медсестры. Зовите.

Последнее слово особенно напугало Вику. Оно было сказано с такой интонацией, что Вика поняла – бородатый не шутит и не сгущает краски.

На нетвердых ногах она вошла в палату. Кристина лежала у окна. Рядом стояла капельница. Две другие кровати были пусты.

– Привет! – Вика приблизилась и села на облезлый дерматиновый стул.

Кристина ничего не ответила, продолжая смотреть в белый потолок.

– Кристя, эй! – Вика осторожно потормошила ее за плечо. Ноль эмоций. – Кристиночка, милая, ну что ты? Ты меня не узнаешь? Это я, Вика! Подружка твоя. – Вика почувствовала, как из глаз текут слезы.

Кристина продолжала молчать, разглядывая что-то на потолке. Лицо ее, лишенное косметики, бледное в зелень, казалось резко некрасивым. На шее была повязка.

– Кристя, очнись, – молила Вика, уже понимая, что ответа не будет. – Пожалуйста, поговори со мной! Все будет хорошо, вот увидишь. Ты поправишься и выйдешь отсюда. И Олег… он приедет за тобой. Обязательно.

При слове «Олег» лицо Кристины дрогнуло, губы ее скривились, она начала часто и тяжело дышать. Потом резко подняла голову и так же резко опустила ее, затылком ударившись об изголовье кровати. Вика в ужасе вскрикнула. Кристина

продолжала биться головой о кровать – мерно, ритмично. Изо рта ее текла кровавая струйка.

Вика закрыла лицо ладонями и закричала. На крик прибежали две медсестры, одна совсем молоденькая, другая пожилая. Они оттеснили Вику от кровати, загородили от нее Кристину своими телами, суетились, что-то говорили друг другу. Молодая выбежала из палаты и через минуту вернулась со шприцом.

Из-за спин медсестер Вика видела, как дергаются Кристинины ноги. Ей стало дурно, и она села на соседнюю кровать. Перед глазами все плыло в зеленом мареве, голоса становились тише и тоньше и почти исчезли.

Она очнулась от едкого и резкого запаха. Перед ней стояла молодая сестричка и совала ей под нос деревянную палочку, обмотанную ватой, издававшую этот отвратительный приторный запах.

– Как вы? – спросила девушка.

– Ничего, – с трудом выдавила Вика.

– Пришлось вам нашатырь дать, а то вы отключились.

– Как она? – Вика кивнула в сторону кровати, на которой лежала Кристина, опасаясь глядеть туда.

– Спит. Долго теперь будет спать. Потом доктор ее осмотрит.

– Она не поранилась?

– Немного. Это не самое страшное.

– А что самое страшное? – вырвалось у Вики, и тут же она невольно закрыла рот ладонью.

Девушка вздохнула.

– Вы идите. Вам тут нечего делать. Идите.

Вика кивнула и пошла к дверям, стараясь не оборачиваться.

9

Она медленно брела по улице и ощущала, будто ей на плечи положили тяжелую бетонную балку. Господи, что ж это творится? Машка мертва, Кристина сошла с ума. Были у нее две подружки, а теперь ни одной. И Куличенко в тюрьме. Не иначе рок какой-то сгустился над их веселой компанией.

Вике вдруг отчаянно захотелось увидеть Ярика, прижаться к его широкой груди, услышать ласковый голос, заплакать, закричать. Пусть делает с ней что хочет, только будет рядом.

Она достала из сумочки телефон. О господи, одиннадцать пропущенных вызовов! И все от Лисовского. Ну да, она же проторчала в больнице с самого утра и до обеда, выключив звук.

Вика набрала номер Ярика.

– Да! – Ей показалось, он дежурил с телефоном у уха.

– Это я, – дрожащим голосом проговорила Вика.

– Вика! Ты… с тобой все в порядке? – В динамике что-то звенело, она слышала Лисовского с трудом.

– Со мной да. А вот Кристя… – Вика не договорила, из глаз ее хлынули слезы.

– Кристя… да… знаю, – глухо произнес Лисовский.

Вика хотела что-то еще сказать, но он опередил ее.

– Вика, девочка… – В его голосе звучало отчаяние, такое явственное даже на расстоянии, что у Вики моментально замерзла спина. – Я ничего не понимаю… машина… она несется сама… не могу сбросить скорость, тормоза не отвечают… Вика, это конец! Береги себя!! – Последние слова он выкрикнул прямо ей в ухо. Раздался щелчок, и стало тихо.

Вика ощутила, как глаза мгновенно высохли, а вместе с этим пересохло в горле.

– Лис, – позвала она шепотом. – Лис, ты где? Ярик, да что ж это… – Вика дрожащими пальцами нажала вызов. – Лис! Возьми трубку! Сейчас же!!! – Она продолжала жалобно шептать, чувствуя, как холод в спине сменяется липким потом.

Гудки. Сначала короткие, затем длинные. Она раз за разом набирала номер, но в ответ – только один и тот же повторяющийся электронный звук.

– Черт бы тебя побрал, Лис. – Слезы текли по Викиному лицу, губам было солоно. – Не смей исчезать! Слышишь?!

Гудки вдруг резко прекратились.

– Слушаю, – произнес мужской голос. Чужой голос.

– П-позовите Ярослава, – хрипло и тихо сказала Вика.

– Ярослав погиб, – спокойно и равнодушно ответила трубка. – Врезался в столб. Вероятно, тормоза были неисправны, он несся на красный свет прямо на пешеходный переход. Свернул и в столб.

– Ярик! – крикнула Вика и не узнала своего голоса. – Я-а-рик!!

Проходившая мимо пожилая женщина с девочкой лет пяти испуганно шарахнулась от нее в сторону.

– Нет, нет, только не это! – Вика сложила руки в мольбе и подняла лицо к небу. – Пожалуйста, нет! Пусть он будет жив. Пожалуйста, я прошу!!

Откуда-то сбоку послышался рев автомобиля. Вика почти машинально обернулась и застыла от ужаса – прямо на нее неслась ярко-красная блестящая машина.

– Мамочка! – пискнула Вика.

Машина с визгом притормозила и проехала в полуметре от нее, окатив грязью из глубокой лужи. Вика без сил села прямо на асфальт. Светлое пальто ее промокло и почернело, лицо было в коричневых брызгах.

– Девушка, что с вами? Вам плохо? – над ней склонился какой-то мужчина в очках. – Может «Скорую» вызвать?

– Не надо «Скорую», – едва слышно проговорила Вика. – Со мной все… все в порядке. Я просто споткнулась.

– Но я же видел, – не унимался очкастый, – видел, как вас только что чуть не сбила машина. Номер не успел записать, а то бы его, гада, быстренько разыскали. А вы вставайте – сейчас не лето, отморозите себе все ваши дамские органы.

Он протянул Вике руку и помог подняться.

– Вам куда? Давайте хоть до метро доведу.

– Спасибо. Я лучше на такси.

Вика почувствовала, как к ней понемногу возвращается способность говорить и действовать.

– Ну хорошо.

Мужчина ушел. Вика вызвала машину. Водитель, пожилой азербайджанец, недовольно покосился на ее замызганное грязью пальто.

– Вы мне весь салон испачкаете.

Вика сделала вид, что не расслышала его слов. Они ехали молча, она машинально смотрела в окно и думала, что ей делать. Ехать к родителям Лисовского? Предложить помощь в организации очередных похорон? Или забиться в свою квартирку, как в уютную нору, и не выходить оттуда три дня, а то и больше? Напиться успокоительных, принять горячий душ…

– Приехали. – Голос шофера вывел ее из раздумий.

Вика вышла из машины. Жутко хотелось курить. Она порылась в сумочке и вытащила пачку «Эссе». Дрожащими пальцами достала сигарету – та оказалась последней. Вика судорожно закурила и пошла к подъезду. Пожалуй, не поедет она к Лисовскому, это будет чересчур для нее. Выпьет горячего чаю с медом и ляжет спать.

Вика уже вынула ключи, и тут поняла, что осталась без курева. Она решительно повернула обратно – в двух шагах от дома находилась «Пятерочка». Вика зашла в магазин, взяла сигареты, сразу две пачки, остановилась на секунду, чтобы положить их в сумку.

В этот момент ей показалось, будто на нее кто-то смотрит. Она обернулась, но рядом никого не было. Только совсем дряхлая согбенная старушка тщательно пересчитывала мелочь в коричневой сморщенной руке.

«Психоз начался», – подумала Вика обреченно. Еще бы ему не начаться, если вокруг нее все мрут как мухи. И саму ее чуть не задавили полчаса назад.

Вика тяжело вздохнула и двинулась к дверям. Едва она сделала шаг, ей опять показалось, что за спиной кто-то есть. Вика могла поклясться, что слышит шаги, идущие за ней след в след. Она снова обернулась. Никого. Нет, так можно рехнуться. Сойти с ума почище бедной Кристины.

Вика почти бегом вышла из магазина. Темнело. С неба противно моросило, дул холодный ветер. Вика поежилась и прибавила ходу. Внезапно она снова услышала шаги за спиной. Теперь они были настолько отчетливыми, что сомнений не оставалось – кто-то шел прямо следом за ней. Вика похолодела и перешла на бег. Преследователь сделал то же самое. Сердце у Вики колотилось в горле. Если она зайдет в подъезд, то этот кто-то зайдет вместе с ней и…

Вика резко остановилась и обернулась. Прямо перед ней стояла фигура, закутанная в плащ. На голове надвинутый до самых глаз капюшон. Вика сдавленно вскрикнула. Фигура обогнула ее и зашагала к соседнему дому.

Вика, тяжело дыша, дотащилась до подъезда. Поднялась в квартиру, открыла дверь, бросила пакет на пол и, дойдя до спальни, упала на кровать, прямо в пальто и грязных сапогах.

Нет, это не могло быть случайностью. Человек в плаще явно преследовал ее. Он был в магазине, просто умело прятался. Он следил за ней! Хотел ее убить!!! И красный автомобиль едва не сбил ее – тоже не случайно…

Она осталась одна. Одна из их школьной компании. Влад, Машка, Кристина, Ярик… месяца не прошло, а их жизнь рухнула под откос. Кто-то методично уничтожает одного за другим школьных заводил. Кто-то неизвестный и всесильный. И началось это с вечера встречи выпускников.

Вика вспомнила, что говорил Лисовский про Куличенко – что он так и не признался в убийстве Машки. Вдруг он не врет, и его действительно каким-то невероятным образом подставили? Убили разом двух зайцев, погубили и Машку, и Влада? А потом и Кристину с Яриком…

Вика вскочила и кинулась к двери. Заперла все замки, прислушалась. Ей показалась – за дверью кто-то есть. Она осторожно заглянула в глазок – площадка была пуста. Вика включила свет во всех комнатах и кухне. Снова закурила, даже не открыв окно. От сапог на ламинате оставались грязные следы. Вика вспотела и поняла, что так и не сняла пальто.

Что делать? Она сходит с ума, и некому даже позвонить. Никого не осталось, она одна на целом свете, беззащитная перед хладнокровными убийцами.

Вика наконец разделась, кое-как вытерла грязные разводы на полу и пошла в душ. Она стояла под горячими струями и мучительно прислушивалась к тому, что делается в коридоре. Ей казалось, что неизвестные проникли в квартиру и по-хозяйски разгуливают по комнатам, ожидая, когда она выйдет к ним из ванной. От этого ее мутило, ноги дрожали, вода казалась обжигающе горячей.

Она завернулась в полотенце и на цыпочках прошмыгнула в спальню. Юркнула под толстое пуховое одеяло, накрылась с головой. Ее трясло от страха. Перед глазами всплывали лица друзей: синее лицо Машки, бескровное – Кристины, багровое – Влада и прекрасное, озаренное любовью, – Ярика. Вика беззвучно рыдала, уткнувшись в подушку. Она не помнила, как уснула.

10

Проснулась Вика точно от толчка. Глянула на телефон – восемь часов. Она тут же вспомнила вчерашний день. Ей показалось, она знает выход, знает, что нужно делать.

Вика лихорадочно одевалась, причесывалась. Краситься она не стала, приоткрыла дверь, выглянула на площадку, убедилась, что там никого нет, вышла из квартиры и поехала в Следственный комитет.

Ее долго не хотели пускать, требовали, чтобы она записалась заранее, потом просили подождать, затем выписывали пропуск. Вика пустила в ход весь свой арсенал – хлопала длиннющими ресницами, заламывала руки, плакала. Наконец она очутилась в большом и светлом кабинете. За столом сидел немолодой майор в новенькой с иголочки форме и с колючими серыми глазами.

– Я вас слушаю. – Он взглянул на Вику одновременно равнодушным и пронизывающим взором.

– Меня преследуют, – взволнованно произнесла Вика. – Хотят убить.

– Вот как? – Ей показалось, майор усмехнулся. – Кто же это?

– Не знаю. Знаю только, что вряд ли это один человек. Их целая группа.

– С чего вы это взяли? – В холодных глазах майора проснулся интерес.

– Мои друзья, они стали жертвами этих людей. Двое мертвы, один в тюрьме, другую сегодня переводят в психушку. За мной со вчерашнего дня охотится

некто, сначала на машине, потом…

– Постойте, постойте. – Оперативник замахал руками. – Девушка, что за бред вы несете? Вы сейчас о ком говорите? Кто в тюрьме?

– Куличенко. Влад Куличенко. Его обвиняют в убийстве Маши Прокопец. Но…

– Я знаю про дело Куличенко, – спокойно перебил майор. – При чем тут ваши преследователи?

– При том, что это не он задушил Машу!

– Здрасьте, приехали, не он! – Мужчина презрительно хмыкнул. – Взят на месте преступления, отпечатки его пальцев на ремне – и не он. Вы подумайте, что говорите.

– Хорошо, – не сдавалась Вика. – Положим, это просто случайное совпадение. Положим, Влад действительно по пьяни задушил Машку. Но как объяснить то, что произошло с Кристиной?

– А что произошло с Кристиной? – все с той же иронией спросил майор.

– Она сошла с ума. Ее бросил муж, и она пыталась повеситься.

– Какое это имеет отношение к тому, что вы рассказывали? Вас кто-то преследует, а некую Кристину бросил муж. Как это связано?

– Ее подставили! К ней приходил сантехник, чем-то опоил ее, сфотографировал голой, подсунул фотки мужу.

– Девушка, докажите мне, что ваша Кристина не врет! Что она не изменяла мужу и ее не засняли во время реальных постельных утех. Докажите!

– Как? – растерялась Вика.

– Вот именно. Никак. Ваша подруга обманула вас, а то, что она пыталась свести счеты с жизнью, – так это все слабые нервы. Вот она и в психбольнице теперь.

Вика слушала майора и постепенно понимала, что все бессмысленно. Зря она приехала сюда, ее никто не воспринимает всерьез.

– Ну, а Ярик Лисовский? – неуверенно проговорила она.

– Лисовский? Это тот, что едва не вылетел вчера на пешеходный переход? А при чем здесь убийство? Там, как мне известно, уже нашли виноватого – это слесарь из сервиса, напортачил с тормозами. Бывает, случается, автомобиль – средство повышенной опасности.

Майор замолчал, глядя на Вику со смесью насмешки и сочувствия.

– Значит, вы не будете искать того, кто хотел меня убить?

– Нет. Нужен состав преступления. Нужен факт нападения. Свидетели.

– Но если… если будет факт нападения, тогда меня уже может не быть! – закричала Вика.

– Спокойно. Выпейте воды. Придите в чувство. – Опер поднялся из-за стола наполнил стакан из кулера и протянул Вике…

– Да идите вы, – она в отчаянии махнула рукой и встала.

– Всего хорошего, – сказал ей вслед майор. – Если что-то будет беспокоить, обращайтесь. Вот моя визитка.

Вика, не обернувшись, хлопнула дверью. Очутившись на улице, она закурила и задумалась. Как быть? Ехать домой? Снова сходить с ума в четырех стенах? Прислушиваться к шагам за дверью, спать с включенным светом? Но если не домой – то куда еще?

Вика медленно двинулась по тротуару, задевая встречных прохожих. Второй день шел мокрый снег, под ногами было скользко и грязно. Внезапно кто-то с

силой толкнул ее в спину. Вика упала на тонкий ледок, больно разодрав коленку. Толкавший растворился в воздухе.

«Может, это черти меня преследуют?» – с тоской подумала Вика.

Она с трудом поднялась, доковыляла до остановки, долго ждала троллейбуса, пребывая в каком-то сомнамбулическом состоянии. Ее знобило, перед глазами мелькали зеленые мушки.

Троллейбус наконец подъехал, Вика зашла, села на свободное место, прикрыла глаза. Ее тут же одолел тревожный, болезненный сон. Сквозь дрему до нее долетали посторонние звуки, обрывки разговора, плач младенца, пронзительный лай собаки. Потом все стихло, и наступила густая, ватная тишина.

Вика испугалась, что проехала свою остановку, и открыла глаза. Вагон был пуст. Только в хвосте на последней скамейке сидел одинокий пассажир. Вика машинально присмотрелась к нему и похолодела – это был Лисовский!!! Он улыбался ей как ни в чем не бывало. На нем была черная кожаная куртка, голубые джинсы, на его красиво уложенных светлых волосах поблескивали снежинки.

– Лис??? – даже не проговорила, а выдохнула Вика. – Ярик? Ты жив???

Лисовский печально улыбнулся и покачал головой. Потом не спеша встал и приблизился.

– Как нет? – Вика смотрела огромными от ужаса глазами. – Как… как же ты здесь???

Он продолжал стоять перед ней, не приближаясь больше, но и не отдаляясь. Она вдруг заметила, что ноги его, обутые в модные и дорогие ботинки, не касаются пола троллейбуса. Он словно парил в воздухе.

– Лис… ты призрак? Я схожу с ума? Да? – Вика почувствовала, что задыхается. Еще мгновение, и она перестанет дышать. Ну и пускай. Лучше так, чем эта жизнь… – Ты зовешь меня к себе, да, Лис? – мертвеющими губами прошептала Вика. – Хорошо, я готова. Я иду…

– Вика, – наконец проговорил Ярик, и голос его звучал совершенно обычно, как при жизни. – Уезжай, Вика. Сегодня же беги из Москвы. Иначе ты погибнешь. Как Машка, как я…

Вика слушала и не верила ушам.

– Ты что-то знаешь, Лис? Кто это сделал? Скажи! Кто испортил тормоза? Кто приходил к Кристе? Кто это, Лис?? Умоляю, скажи!

Он покачал головой.

– Не могу. Я не могу. Уезжай. Спаси себя. Иначе будешь с нами, со мной и с Машей.

С этими словами Лисовский закачался в воздухе и исчез, точно растаяв. Вика вздрогнула всем телом и едва не полетела со скамейки. Тут же вернулись все звуки, она почувствовала холод, идущий из раскрытых дверей троллейбуса, и проснулась…

– Девушка, что с вами? – На нее участливо смотрела старушка в вязаном сером берете. – Вы говорили во сне. Стонали.

Вика непонимающе глядела на нее и моргала. Так это был сон??? Она была уверена, что все происходило наяву – настолько реально и ярко выглядел Лисовский. Казалось, протяни руку – и можно дотронуться до него. В ушах у Вики все стоял его спокойный и мягкий голос: «Уезжай, спаси себя…»

Вика растерянно глянула в окно и увидела, что приехала. Она вскочила и кинулась к выходу. Старушка за ее спиной в недоумении покачала головой. Вика сошла на мокрую мостовую.

Ею овладели отчаяние и безнадежность. Ясно, что до безумия недалеко, раз ей мерещатся призраки. Она больше не может одна бороться со всем этим наваждением. Но куда идти? Кому звонить?

Вика лихорадочно нашарила в сумочке телефон, не обращая внимания на падающие на лицо мокрые хлопья, пролистала контакты. Нашла Дениса.

Набрала. Послышались долгие гудки, прежде чем он отозвался.

– А, детка, это ты? – Голос его был довольно равнодушным. – Ну, что там с твоей подругой?

– С подругой плохо, – тихо сказала Вика. – И со мной тоже.

– Что такое? – В тоне парня просквозила скука.

Конечно, они ведь не договаривались грузить друг друга своими проблемами, а только прикольно и весело провести время.

– Послушай, мне нужна помощь, – потерянно проговорила Вика, уже понимая, что звонок был напрасным.

– Детка, я бы с удовольствием. Но я сейчас работаю. Может быть, потом? Завтра?

– Да, хорошо, конечно. Завтра.

– Бай-бай, – проворковал он и выключился.

Вика стояла посреди тротуара с телефоном в руке. Нет, никто тут больше ей не поможет. Все ее контакты – такие же чужие люди, как и Денис, для которых она – просто детка, или малышка, без имени, без личности, без бед и печалей, созданная исключительно для удовольствия. Лис был единственным мужчиной, которому она была нужна просто так, в любом виде, даже в слезах и соплях, с растекшейся тушью и размазанной помадой. Но его нет…

Внезапно Вике пришло в голову, что, может быть, Ярик не случайно явился к ней с того света. Возможно, стоит прислушаться к его словам? Он велел ей бежать из Москвы. Наверняка ему оттуда виднее, и он прав – только так она сможет спастись. Бежать! Но куда? После смерти родителей Вика потеряла контакты с родней. Если ехать в другой город, то не в пустоту же! Надо ехать к кому-то.

Вика лихорадочно вспоминала.

Внезапно ее осенило. Все-таки один родственник у нее остался – это некий дядя Женя, мамин младший сводный брат. Он живет в Энске, по крайней мере, еще три года назад он там был. В детстве родители возили Вику в Энск, на родину матери. Она смутно помнила дядю Женю – кажется, он был невысокого роста, белобрыс и курнос, с веснушками по всему лицу. Вика даже дразнила его: рыжий-рыжий, конопатый… Когда родители разбились, он приезжал на похороны. Утешал Вику, называл племяшкой, приглашал приехать, пожить у него. Вике он показался таким провинциальным и старомодным, что она вежливо поблагодарила его, а про себя решила не поддерживать с этим дядей никаких отношений. Он иногда звонил ей, она вяло отвечала на его вопросы, разговор гас, едва начавшись. Потом звонки прекратились. Видимо, Женя понял, что у племянницы все хорошо и она не нуждается в его участии…

Вика спрятала телефон и решительно зашагала к дому. Она шла и думала, что среди документов, оставшихся от родителей, есть старые записные книжки. Там записан адрес дяди Жени. Звонить заранее она не станет – мало ли как он отнесется к ее визиту, вдруг скажет, что не хочет ее видеть. А уже приехавшую племянницу прогнать будет неудобно.

Озираясь и оглядываясь, Вика зашла в подъезд, прошмыгнула в квартиру, как и накануне, заперлась на все замки. И принялась собирать вещи. Поезд в Энск уходил через два часа. Вика успела упаковать чемодан, выпить кофе, покурить всласть и пореветь. Потом вызвала такси и поехала на вокзал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bocharova_tat-yana/posledniy-vecher-vstrechi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити